

Булат Ханов

Развлечения для птиц с подрезанными крыльями

Фрагмент романа

Настя

Все не любят прощаться, но некоторые хотя бы умеют это делать.

Настя вот не умела.

Накануне отъезда она напоследок навестила бабушку и дедушку. Пока бабушка стряпала, Настя сидела рядом с дедом в спальне и притворялась, что тоже увлечена политическим ток-шоу. Приглашенный ведущий из числа тех, чьи лица примелькались на экране до такой степени, что стали гарантией пустословия, твердил о воле и решимости. Носовой платок безупречно выступал из его нагрудного кармана, и Настя поневоле задумалась, обладает ли болтун еще какими-либо чертами из джентльменского набора, помимо умения красиво одеваться. Может, он отключает мобильный на свиданиях. Или не просит в долг.

В конце передачи, когда камера взяла ведущего крупным планом, дедушка приподнялся на постели и произнес:

— Сейчас анекдот будет!

И правда, ведущий плутовато улыбнулся и сказал:

— Семья рыбачит. Сын спрашивает у отца: «Почему твой поплавок стоит, а у дедушки лежит?» Раздается голос бабушки за спиной: «Знаешь, Сёма, когда дедушкин поплавок стоял, что он только не ловил!»

Настя поморщилась, а дед пояснил:

— Каждый раз анекдот рассказывает. Люблю этот момент.

Да уж, чтобы втянуть людей в свои политические разборки и навязать узколобое видение, эти не погнушаются ничем. Даже сексистским острячеством.

Недолго, буквально мгновение, дед выглядел почти счастливым.

Тридцать лет назад он, подорвав здоровье на силикатном заводе, вышел на пенсию по инвалидности и с тех пор грозился умереть со дня на день. В последние месяцы старик одряхлел: заметно осунулся, бросил читать и играть в шахматы, прекратил исправно питаться, хоть и брился регулярно. Ноги ниже колен у него отекали

Ханов Булат Альфредович родился в 1991 году в Казани. Окончил филологический факультет Казанского федерального университета. Кандидат филологических наук по специальности «История русской литературы». Печатался в журналах «Дружба народов», «Идель», «Октябрь» и др. Лауреат премии «Лицей» (2018).

Постоянный автор «ДН». Предыдущая публикация — 2019, № 11.

Полная версия книги выходит в издательстве «Эксмо» в августе 2020 года.

так, что пухлые стопы напоминали стопы голема. Телевизор заменил дедушке окно в мир, поэтому шуткам про поплавок попросту не было альтернативы.

Постельный режим как пожизненный приговор.

К столу дедушка не вышел, и Настя обедала с бабушкой. Та сварила суп со щавелем и зеленым луком и пожарила картошку с грибами. Насте вновь досталось за убеждения.

— Отощавешь ведь там. Приготовят на всех уху или макароны с фаршем, а ты что будешь делать?

— Бабуля, мы уже договорились, кого с кем поселят. Моя соседка тоже вегетарианка.

— И подавно оголодаешь. Я уж и не представляю, что вы там сытного вдвоем намудрите.

— Чечевичную похлебку сварим.

— И долго вы протянете на чечевичной похлебке?

— Не скажи, бабуля, это великое блюдо. Неслучайно Исав первородство за нее продал, а не за баранью ногу, например. Хоть и был охотником, а все равно соблазнился вегетарианскими вкусами.

Не оценившая шутку бабушка покачала головой. Будучи религиозной, она тем не менее не считала нужным навязывать внучке свою картину мироздания и не давала вовлечь себя в споры о Боге, тем более что все равно не могла противопоставить Настиным доводам ничего, кроме твердой убежденности в истинности Священного Писания и словах своего настоятеля.

Бабушка расспросила Настю о грядущей жизни в новом городе: о соседке, об общежитии, о магистерской программе, о президентской стипендии. Обе переживали, но по своим причинам: бабуля беспокоилась за бытовую сторону дела, а Настя — за то, не наскучит ли ей вызов. Она понимала, что говорит с бабулей на разных языках, и давно бросила затею свести эти непохожие языки к единому целому или хотя бы сблизить их.

Наверное, быть взрослой — это и есть в том числе отказаться от стремлений наладить вещи, которые наладить нельзя.

По дороге домой Настя лелеяла робкую надежду, что с мамой удастся попрощаться правильно, раз уж с бабушкой и дедушкой не получилось.

Вместо этого мама закатила скандал. К приезду дочери она разворошила оба ее чемодана с не меньшим рвением, чем таможенник, доискивающийся до контрабанды в багаже подозрительного мигранта. Ради обыска мама раздвинула диван в гостиной. Белье, повседневная одежда, блузки, брючный костюм, тренч, полотенца — все смешалось. Даже уложенные в пакет книги громоздились теперь по соседству с содержимым косметички.

Как будто мама в отсутствие Насти трясла по очереди каждую книгу, рассчитывая, что из нее выпадет что-то кроме забытых там закладок и чеков.

Опережая возмущенный возглас дочери, мама воскликнула:

— Новую юбку ты мне, конечно, показать не удосужилась!

Чуть ли не в лицо Насти костлявый кулак сунул измятую юбку. Ту самую, где на черно-синем фоне высились черные силуэты городских зданий, над которыми парили черные же птицы. Настя не имела привычки заказывать вещи в интернет-магазинах, но в этом случае эффектный принт сразила ее наповал. Не отпугнула и цена.

— Чего молчишь?

— Я купила ее недавно и пока не надевала.

— То есть ты собиралась носить ее в Элнет Энере, когда я не увижу?

Настя почувствовала, что сейчас она закипит. Мама применила излюбленный прием, выдвигая надуманные обвинения и вынуждая тем самым Настю обелять себя. Вне зависимости от того, оступилась ли она по-настоящему или всего лишь не оправдала сверхъестественных маминых ожиданий.

— Скажи сразу, чем тебе не нравится эта юбка. Она закрывает колени, она не безвкусная, не вульгарная. Материал, в конце концов, хороший. Что тебя не устраивает?

— Ты на рисунок смотрела вообще?

Мама устала палец на силуэт православного храма с венчавшим купол крестом.

— Ты будешь утверждать, что это не кощунственно?

— Мама, ты серьезно? Это типичный городской пейзаж. Вон и комплекс деловых зданий, и купол цирка виднеется.

— Ты мне зубы не заговаривай!

— Я и не заговариваю. Если б вместо православного храма там были сатанинские церкви с перевернутыми крестами, я бы еще поняла.

— Это кощунственно! Я не позволю моей дочери расхаживать в этом.

— Тогда сама и носи эту юбку.

Раньше бы Настя себе такое выражение не позволила.

Не успевшая переодеться, она опять прыгнула в монки, перекинула через плечо синий рюкзак и покинула дом под оскорбления. Уже за дверью она размазала по щекам слезы и зашмыгала носом.

Интересно, протянул бы тот лохотный ведущей свой платок незнакомой девушке, если у нее слезы текли вместе с тушью? Положим, что да. Еще бы и помощь предложил. Верный способ запомниться участливым и благородным ценой пустякового вложения.

В гипермаркете через дорогу Настя купила овсяный йогурт и два злаковых батончика. Ужин состоялся там же, на скамейке за линией касс. На жующую девушку косились покупатели, разгружавшие свои тележки, а Настя, вытирая красные глаза, отвечала им сконфуженной улыбкой. Знакомьтесь, мол, я кролик, бегущий прочь от норы.

Мама не звонила.

Сделав круг по кварталу, Настя вернулась к своей пятиэтажке. В гостиной горел свет, поэтому Настя покаталась на качелях, прорезая тишину двора их монотонным скрипом. Несмотря на то что в сиденье не хватало доски, сейчас это не тяготило. Всяко лучше, чем мельтешить перед человеком, который тебя разве что не презирает. Улыбаться, угождать или, напротив, стараться быть незаметной. Какая разница, натягиваешь ты улыбку или нет, если в чужих глазах ты обладаешь нулевой степенью пригодности.

Сцена с юбкой не только вывела Настю из себя, но и озадачила. Мама и раньше поминала Бога, однако столь выпирающую набожность демонстрировала впервые. Не исключено, что под предлогом для ссоры пряталась ревность к уезжающей дочери и желание упрочить власть над ней.

Когда свет в гостиной погас и зажегся в спальне, Настя поднялась в квартиру. Светя телефонным фонариком, она в темноте сгребла вещи с дивана и переложила в кресло, чтобы упаковать завтра перед отъездом. Через стенку было слышно, как мама, укладываясь спать, нарочито шумит и вздыхает — еще один коронный прием по выставлению Насти виноватой. Она боялась, как бы мама не вышла среди ночи и не устроила бы напоследок шквальный разнос, на фоне которого все предыдущие померкли бы.

Да уж, попросались как надо.

И кто теперь из них взрослый, если никто не настроен даже на подобие примирения?

Так ли уж важно тогда делить поведение на взрослое и детское, если одно от другого неотличимо? Что, если «взрослость» — не что иное, как грязный аргумент в споре, воображаемый признак, который спешат приписать себе те, кто ошибочно убежден, будто находится по ту сторону завышенной чувствительности и хронической незрелости?

Будильник, установленный на пять утра, выдернул Настю из постели. Она раскидала по чемоданам пожитки, утрамбовывая их чуть ли не ногой, чтобы уместились, и уже на лестничной площадке вызвала такси до автовокзала.

Юбку не взяла.

В такси Настя, прижав к груди портфель, вспоминала бесчисленные унижения, которым подвергала ее мать. Она следила за профилями «ВКонтакте» и «Инстаграма», рассказывала об ущербности замужней жизни, записывала телефоны подруг дочери, и без того редких. И это не говоря о вспышках ярости, вызванных остатками пищи в раковине или прочими пустяками. Мама часто замахивалась в гневе, но никогда не била.

Наиболее отвратительным был осмотр тела: периодически она без предупреждений велела раздеваться и разглядывала обнаженную Настю с видом ратолога или серпентолога — сухо, настороженно, с едва уловимой брезгливостью. Мама не сообщала, что она искала: порезы, засосы, синяки, татуировки, пирсинг. Насте, годами боявшейся спросить о смысле этой процедуры, иногда приходило в голову, что ее оценивают на предмет брака. Как блендер перед приобретением. Мама в роли придирчивого покупателя, сомневаясь в выборе, словно вынюхивала малейшие дефекты, чтобы отказаться от покупки и подтвердить этим собственные опасения.

Знала бы она, что Настя на самом деле утаивает.

Прождав полтора часа до первого рейса в Элнет Энер, она погрузила чемоданы в багажный отсек разваливавшейся «Газели». Усатый водитель в протертых джинсах и пропахшем табаком свитере желтыми пальцами отсчитал сдачу:

— Держите, девушка!

Зажав купюры в кулак и смешавшись, Настя юркнула в хвост маршрутки.

Обязательно ведь нужно подчеркивать гендерную принадлежность, никак без этого.

Молодой сосед, верзила в баскетбольной форме и с надетой задом наперед кепкой, начал знакомство издали.

— Прикинь, в первый раз на футболе побывал, — поделился он. — На настоящем матче. Все не как по телевизору. С трибуны кажется, что обычные люди бегают. Как мы, короче.

Не обращая внимания, Настя распутала наушники.

— В гости к нам едешь?

— По работе.

Верзила на секунду остановил взгляд на лице Насти, на области рта. Должно быть, соображал, что с ней не так.

Это диастема, дружок. Щербинка между передними зубами, хоть и не портила облика Насти, оставляла двойное впечатление. Кто-то находил это милым, кто-то смущался и, вопреки воле, отводил взгляд во время разговора. Сама Настя называла свою внешность кроличьей и не терялась при бестактных вопросах.

Она воткнула наушники, и сосед сделал второй заход:

— Что слушаешь?

— Софию Ротару.

Настя нажала на «Play», увеличила громкость и прикрыла глаза.

Немолодой рассудительный женский голос, предваряя птичью трель, объявил:

— Большая выпь.

Елисей

Перед тем как выбежать из вагона на Василеостровской, Елисей вручил Лене конверт и велел вскрыть завтра.

Едва двери хлопнулись и метро унесло ее в тоннель, Елисей выключил телефон. Само собой, она прочтет письмо в поездке и содержание ее как минимум покоробит. А кого бы развеселило?

Режиссер сбежал со скандальной премьеры своей постановки! Сенсация!

Забываясь о торжестве формы, Елисей купил у букиниста антикварную открытку

с разводными мостами и запечатал конверт сургучом. Как натура тонкая, она должна оценить.

Теперь и ты узнала, что эта встреча была последней.

Собственно, на то у меня две причины:

1. Меня утомило, что у тебя каждый день Помтея;

2. Мы не созданы друг для друга.

Передавай привет Леониду Якубовичу и Раулю Амундсену.

Почему Якубович и Амундсен? Пусть ломает голову над логической связью там, где ее нет.

У Елисея чесались руки добавить, что он прекращает общение по состоянию здоровья, но и так получилось забористо и неучтиво.

Два дня назад Лена позвонила утром и в шестьсот тридцать восьмой раз заняла о том, как ей трудно подняться с постели и заставить себя пойти в магазин. Собирая справки для лора и одеваясь, Елисей попутно выслушивал надрывный нарратив об агорафобии и искал способ быстрее завершить разговор.

— У меня все тело болит!

— Температуру измеряла?

— Она нормальная!

— Завари зеленый чай и включи музыку.

— Какой еще чай?

— Который я приносил, помнишь?

— Я не хочу, ты понимаешь?

— Лена, прости, я правда не знаю, что тебе сейчас нужно.

— Скажи что-нибудь хорошее. Что ты меня любишь.

— Я тебе и так каждый день это говорю.

Просовывая голову в воротник, Елисей уронил телефон.

— С тобой все в порядке? Дорогой, скажи мне что-нибудь хорошее.

— Я бы все-таки посоветовал заварить чай и включить какой-нибудь альбом из твоих любимых. А вечером поехать на лекцию по фотографии, анонс которой я скидывал. Твоя же тема.

— Я не могу!

— Можешь.

— Нет!

— Лена, ты требуешь чего-то жалостливого и проникновенного. Если я отвечу на это требование, то получится, что потекаю твоей беспомощности. Это неправильно. Поэтому я снова порекомендую заварить чай, послушать музыку и прогуляться на лекцию. Попробуй, это тебя не убьет. И да, я зануда.

— Значит, ты меня не поддержал. Ясно. Я учту.

Елисей нажал на сброс и швырнул в стену ложку для обуви.

Мало того, что Лена пыталась развести его на вдохновляющий спич, так еще и не справилась, как у него дела. Ему грозят операцией на горле, а она лезет с комнатными слезами. Такое чувство, что, будь фобии заразными, Лена бы инфицировала каждого в Петербурге.

Пока Елисей ждал своей очереди у врачебного кабинета, пришло голосовое от Лены. Она излила на него гнев, уведомила, что с любовью покончено, и занесла в черный список.

Днем последовали бурные извинения Лены и предложение начать все заново.

— Давай перезагрузим наши отношения, — сказала она.

— Я за.

Тогда и созрел план с открыткой и всем остальным.

Сама подставилась. Порывая — порывай.

Сложно определить, когда именно Елисей бросил учиться — до болезни или во

время нее. Скорее всего, ни то ни другое. Занятия приелись на первой же неделе, а магистратура до жути напоминала армию однообразием и непостижимостью конечной цели, ради которой вращались скрипучие шестеренки бюрократического механизма. И армия, и университет функционировали исключительно в поломанном состоянии, с анекдотичными перегибами и перехлестами. Бесспорно, в армии тяжело с девушками и с перемещениями в пространстве, но общий принцип ее организации похож на университетский — институция, существующая по собственным законам, далеким от разумных. Иначе говоря, тщательно регламентированный беспорядок.

Короче, нет смысла писать магистерскую с военником на руках. Если только по любви. Но любовью к георбанистике в ее академическом формате Елисей так и не воспылал.

Поначалу он по инерции готовился к зачетам, брал книги в библиотеке, встречался с научруком. А на излете беспринципной петербургской зимы Елисея сбילה с ног простуда, цепкая и затяжная. Он менял лоров и терапевтов, горстями закидывал в глотку антисептики и противокашлевые, пил антибиотики курс за курсом. Медицинские термины мешались в голове, как слова из иностранного языка.

Заболев, Елисей рассчитывал вылечить фарингит до весны. Затем до апреля. Затем до мая. Незаметно «дедлайн» сдвинулся к лету. В конце концов Елисей, признав бессилие, прекратил выставлять сроки организму, который его предал.

Елисеем овладела не поддающаяся оправданию умеренность: он избегал острой пищи, сторонился ветреных набережных и носил шарф до июня. Вдобавок к нему прилипла привычка откладывать важные решения. Елисей позволял Лене держаться за него и спустя полгода после того, как ее скучные истории и бесконечные вздохи перестали занимать его внимание. Кроме того, непонятным для себя образом он закрыл летнюю сессию, притом что формальная привязанность к университету тяготила даже сильнее, чем отношения с Леной.

Момент истины настал тогда, когда Елисей обнаружил, что без запинки выговаривает слово «оториноларинголог» десять раз подряд. Через день после этого поворотного события Лена объявила о разрыве и забанила Елисея, а последующее помилование и примирение уже ничего не значило. Оттягивать дальше было преступно.

В тот же вечер Елисей купил антикварную открытку и написал Матвею, с которым они учились в Институте наук о Земле и три года делили комнату в общежитии. Матвей неоднократно звал друга к себе в Элнет Энер и завлекал прелестями провинциальной жизни.

Значит так

План простой

Расстаешься с болотно-чахоточным краем и первым же рейсом летишь в чудесную землю, где тебя ждут заботливые друзья, первоклассные врачи и чистый воздух)

У нас как раз комната свободна)

Судя по описанию, ты в Израиле живешь, не меньше.

У нас круче) Ни терактов, ни палестинцев конфликтных под боком)

Та свободная комната — она большая?

Тихая?

Теплая?

Я тебе так скажу

Комната до того просторная, что ты в ней и с Леной своей бы поместился)

Она настолько тихая и теплая, что там можно медитировать нагишом)

А еще есть балкон с приятным сюрпризом)

Не говори только, что вы там коноплю выращиваете.

Нет, ничего такого) Приезжай, и сам увидишь) Помнишь, как Егорка Летов пел?
Я принял решение)
Вот и ты прими)

Насчет Лены Матвей, разумеется, шутил. Не так давно он с гордостью сообщал, что они с Владом превратили свою квартиру в ЗБС (Зону бесконтрольного сексизма), поэтому Елисей имел больше шансов поселиться там с алабаем или крокодилем, чем с Леной.

И хорошо.

Наутро после эпизода с конвертом Елисей за бесценок сдал букинисту все книги и составил заявление об отчислении из университета. Хотелось сделать напоследок что-нибудь безумное, что-нибудь такое, что бы отпечаталось в городском фольклоре: искупаться в Обводном канале или вызвать на дуэль мороженщика. Тем не менее от затеи Елисей отказался, так как сообразил, что любое безумство в его исполнении предстанет всего-навсего мещанским возмущением против мещанского же порядка, жалкой попыткой скрыть от себя свою приземленность.

Забирая из общаги походный рюкзак с вещами, Елисей на секунду замер перед холодильником. Сосед хранил там бутылочку пшеничного нефильтрованного. Такого неприязнательного и такого желанного. Неужели такой бургер, как Елисей, не заслуживает перед долгой дорогой стаканчика доброго вайзена?

Ан нет, нельзя.

Все же уйти просто так Елисей не мог. В коридоре общежития он расклеил объявления:

Потерялся ручной уж. Тот, кто вернет кусачую радость хозяину, получит вознаграждение 500 рублей. Просьба звонить вечером.

И приписал внизу вымышленный номер.

Насчет первого же рейса Матвей также пошутил. Самолеты и поезда были Елисею не по карману. Он вышел на М-11 ловить попутку и включил телефон, чтобы посмотреть прогноз погоды.

Спустя мгновение на экране отразился входящий от Лены.

— Ты где?

— Уехал.

— Куда?

— Я и сам не решил.

— Надеюсь, у тебя хватит ума, чтобы извиниться передо мной?

— Боюсь, что не хватит.

Вопреки ожиданиям, она не плакала и не кричала. Ее голос даже не вздрагивал.

— Тогда молись, чтобы ты больше мне не встретился. Иначе долго буду возить тебя мордой по асфальту.

— Звучит устрашающе.

— Я предупредила.

Елисей хотел ответить: «А как же твоя агорафобия?», но растерялся и сбросил вызов.

Как все перевернулось. Буквально вчера он высокохудожественно обставил расставание, а теперь, так получается, на всех парах улепетывал от разъяренной бывшей.

Вспомнилась пафосная фраза: «Не огорчайся, потому что прошло. Радуйся, потому что было». По мнению Елисея, романтично настроенный автор ошибся. Правильный вариант звучал так: «Радуйся, потому что прошло. Огорчайся, потому что было».

Прощай, Лена. Прощайте, сокровенные шутки, понятные лишь для двоих. Прощайте, вздорные обвинения. Прощайте, отношения, бурные, но однообразные, многообещающие, но опустошительные.

До Подмосковья Елисей доехал к раннему утру на дальнобойной фуре с гигантской надписью «Bluewater» на весь бок. Потрепанный бытовыми злоключениями водитель без устали сваливал свои неудачи на женщин: на бывшую жену, на сестру своего друга, на придорожных путан, на «злых баб» вообще. Елисей, который поначалу поддерживал диалог исключительно в режиме внимательного слушателя, тоже подключился к прокурорскому тону шофера и привел в пример историю себя и Лены, умолчав о пикантных подробностях вроде ее загулов и собственного розыгрыша с конвертом.

— Сам посуди, — сказал водитель. — Недаром в слове «мужик» слышится что-то мощное, крепкое, солидное, а в слове «баба» — что-то истеричное и гадкое. Русский язык все про нас знает.

— Феминистки возразили бы тем, что язык тоже мужчины придумали.

Утром дальнобойщик высадил путника в задернутом тучами Солнечногорске. С помощью автобусов и метро Елисей пересек Москву и выбрался на трассу до Элнет Энера.

Как назло, с машинами везти перестало. Елисей подолгу выстаивал под крапающим дождем, вытянув руку с загнутым сверху большим пальцем. Грузовики автостопщика будто не замечали, а легковушки, как правило, подбрасывали до ближайшего поселка или городка. Такие короткие перемещения выматывали почище часовых перелетов: ради несчастных десяти километров Елисей знакомился с водителем, нащупывал почву для разговора, делился веселыми историями — в общем, убедительно играл роль благодарного пассажира. В итоге Нижний Новгород остался за спиной лишь глубокой ночью. Мысли сбивались в кучу. Чудилось, что за час сна Елисей убил бы кого угодно.

— Да у тебя глаза, как у китайского пчеловода. Тебе бы в мотель, — сказал последний шофер.

Он попросился с Елисеем на автобусной остановке рядом с садовым товариществом с трудновыговариваемым названием. Елисей, подложив под голову рюкзак, отрубился прямо на остановке.

Пробудился он от того, что заложило нос. Все-таки ночевки на свежем воздухе мало вяжутся с хроническим фарингитом. Звездное небо над головой, отнюдь не завораживающее, свидетельствовало, что сон был краток. Нацепив рюкзак и отряхивая голову от усталости, Елисей в пустынном одиночестве побрел по направлению к Элнет Энеру. Ерундовые четыре сотни километров — и его ждут мягкая постель и балкон с сюрпризом.

Слева расстилалось сжатое поле со скатанными кипами сена. Лунный свет эффектно ложился на них, очерчивая красивые контуры, так что Елисей, даже будучи изможденным, оценил пейзаж на пятерку с минусом, добавив минус только за иллюзию пасторальной идиллии, некстати встроенную в картинку.

Когда позади раздалось рычание мотора, Елисей автоматически вытянул в сторону руку — наудачу, без особой надежды.

Новехонькая, словно из автосалона, «Тойота Камри» поравнялась с автостопщиком. Дверца отворилась, и Елисей просунул в проем немытую голову.

— Я в Элнет Энер еду, — произнес из мрака водитель.

— Ого, свезло так свезло! Мне ведь тоже туда.

— Садись. К девяти доберемся.

По первым секундам стало ясно, что доверительной беседы не предвидится. Молчаливый брюнет без тени заспанности на лице выглядел так, будто катил на корпоративное совещание в соседнем квартале. Его идеально выбритое лицо напомнило Елисею армейское прошлое, когда он каждое утро отскребал станком наклевавшуюся щетину из страха перед вафельным полотенцем. Ухоженный, с легким запахом

парфюма, в деловом костюме, капитально серьезный водитель «Камри» не походил на того, с кем обсуждают девушек или футбол.

Елисей задремал. В сознание его вернул загремевший российский гимн.

— Слушаю. — Водитель невозмутимо прижал телефон к уху. — Так точно. Спасибо, что предупредили.

Он затормозил и велел Елисею не отстегивать ремень, а сам открыл багажник. Пока Елисей гадал, в чем дело и не замешивают ли его в темную историю, загадочный брюнет провел какие-то манипуляции на крыше авто и снова занял свое кресло.

— Планы изменились, — сообщил он. — Приедем пораньше. Держись крепче.

Прежде чем Елисей осмыслил, что все это значит, «Тойота» рванула как бешеная. Стрелка спидометра сначала подскочила до ста восьмидесяти, а затем постепенно, но неуклонно поползла до двухсот. Машина полетела, едва касаясь асфальта. По диким голубым отблескам в окне Елисей сообразил, что водитель установил мигалку. И сделал это не из любви к быстрой езде, а по долгу службы.

Заложило не только нос, но и уши. Голова, будто наспех припаянная, грозила оторваться и дергалась, точно цветок на стебле. По шейным позвонкам прокатывалась вибрация, как по стеклу от легкого землетрясения. Елисей вжался пальцами в сиденье и напрасно пытался унять дрожь. Не будь он голоден со вчерашнего дня, то без сантиментов разукрасил бы салон бизнес-класса содержимым желудка. Все это казалось частью возмутительного аттракциона: августовская ночь, средняя полоса, пасторальные виды, телефонное предупреждение, неистовая гонка со временем на пределе человеческих и технических возможностей, inferнальный заезд без соперников, без комментариев и без саундтрека.

Запонки на белоснежных манжетах водителя посверкивали в темном салоне, как змеиные глаза. В облике незнакомца не чувствовалось напряжения. Иногда он рулил одной рукой, словно отдыхая. Происходящее его не трогало, весь его вид выражал аристократическую скуку.

В шесть утра оглушенный безумным вояжем Елисей сидел на центральной площади Элнет Энера и прикидывал, куда бы деть два часа до того, как пробудится Матвей. Интернет отказывался выдавать информацию о круглосуточных забегах в округе. Тогда Елисей вспомнил, что в родном Трехгорном уже не так рано, и набрал на телефоне номер.

— Алло, мама, привет. Не отвлекаю? Хотел сказать тебе, что уехал из Питера.

Марк

Он чуть не поперхнулся какао, когда прочел письмо.

Ему предлагали принять участие в конкурсе на вакансию в госкорпорации «Атомпром». Нужно зарегистрироваться на официальном сайте, набросать о себе хвалебные строки и выдвинуть идею для стартапа.

Вроде бы ничего особенного, рядовая вирусная рассылка.

Вот только этот и-мейл на левое имя Марк завел меньше месяца назад. И у него были свои счета с «Атомпромом».

Помимо всего прочего, вчера ему дважды звонили с разных номеров и дышали в телефон.

Разумеется, никто и никогда не говорил, что за ним не станут следить. Никто не обещал, что на него не нацепят цифровой ошейник. Это такой мягкий способ призора — без отметок в отделе полиции и налоговой, без вшитых в одежду датчиков, без ласковых звонков по вечерам, без приглашений на семейные торжества, наконец. Ни жесткого тебе контроля, ни липкой заботы. Трать карманные миллионы, лакай в самолетах шампанское, ныряй с аквалангом и, главное, не слишком выделяйся на бесцветном фоне.

Покончив с французским завтраком, Марк удалил и письмо от госкорпорации,

и почтовый ящик для верности. Пусть они расценят это как паникерство, ему все равно.

Марк поднялся из гостиничного ресторана в номер и вытащил из саквояжа титановый нож для колки льда, припасенный для таких случаев. От первого удара смартфон отпрыгнул в сторону. Со второй попытки лопнуло защитное стекло и обнажился беззащитный дисплей. Марк бил сильно, уверенно, без замаха, и круглые следы с побелевшими вмятинами по контуру напоминали небесные объекты с исходящим от них холодным мерцанием.

Когда микросхемки и аккумулятор пришли в неисправимое состояние, Марк прекратил насилие над техникой. Поврежденную сим-карту он убрал в медный портсигар к двадцати шести таким же, а остатки от смартфона сложил в верхний ящик тумбочки, где хранилась гостиничная Библия на английском.

После горячей ванны Марк позвонил на ресепшен и заказал трансфер до аэропорта. Прощай, город-герой Ростов, нет причин скучать по тебе.

Кряжистый таксист с южным лицом цвета морковного сока, избыточно аккуратный в вождении, окружил пассажира зудящим молчанием. Лишившийся телефона Марк ерзал и чесал переносицу. На попытки завести разговор шофер откликался вежливыми, но общими фразами. Его будто не волновало ни повышение цен на бензин, ни тем более закрытие Парамоновских складов.

— Представьте, вам предложили бесплатную путевку в любую точку земного шара, — сказал Марк. — Куда угодно, хоть на Гавайи, хоть в Париж, хоть в Мурманск. И оплатили бы два билета: туда и обратно. Какое направление бы вы предпочли?

— В Ташкент бы полетел.

— Там красиво в сентябре?

Таксист поднял вверх большой палец.

— Во! Там сейчас дыни сладкие, как шербет. В России такие дыни только Президенту на стол подают. Хочешь купаться — едешь в горы на Чарвак. Хочешь старинную красоту смотреть — едешь в Самарканд. Люди из Парижа, из Берлина говорят: много где были — такого загляденья, как в Узбекистане, нигде не видели.

Нехватку лексем в речи шофера с лихвой окупала простосердечная страсть. Марк загрустил. Его-то перемещения ограничивались известными пределами, и даже доступный любому студенту Узбекистан был под запретом.

Таксист не набрал сдачи с пятитысячной купюры.

— Оставьте себе, — велел Марк. — Купите чурчелы.

Он сообразил, что совет прозвучал обидно.

— Или бензина. В общем, чего душа пожелает. А мне пора.

Минуя магнитную рамку и багажный осмотр, он корил себя за невежливость. Барские жесты лишь ставили Марка в позицию милостивого владыки и вдобавок укрепляли в других холопскую психологию.

Тот, кто выжидает господских щедрот, никогда не покинет рабства.

Два ближайших рейса — до Санкт-Петербурга и до Элнет Энера — одинаково подходили Марку. Он купил билеты эконом-класса в обоих направлениях и распечатал посадочные талоны через терминал.

— Простите, что отвлекаю, — обратился Марк к уборщице в синей униформе. — Можете мне помочь?

Он вытянул перед ней руки со сжатыми кулаками, как раскаявшийся преступник перед полисменом с наручниками.

— Право или лево?

Не снимая желтых перчаток, уборщица указала на левую.

— Значит, Элнет Энер! Спасибо, дорогая! Доброго вам вечера!

Марк с наслаждением разорвал ненужный посадочный талон и за две минуты до окончания регистрации сдал багаж.

Элнет Энер так Элнет Энер. Имеется и такой город на карте, и даже с собственным Кремлем. Столица Беледыша. У национальных республик есть своя

специфика. Она пролегает между замолчанной претензией на автономию и отчетливыми намеками на культурную исключительность, между сведенными к холостому повторению обрядами и загнанными в складные учебники историческими драмами, между наивными чаяниями благостных стариков и тонкой политической игрой на вымышленных различиях и вместе с тем не равняется ничему из перечисленного. Так что на первых порах будет на чем заострить внимание. Да здравствует очередная глава монотонного романа! Да здравствуют экзотические блюда и новый вид из окна! Да здравствуют перемены, которые ничего не меняют!

На заключительном досмотре Марк стоял в очереди за беременной девушкой и вспомнил народную примету, согласно которой встреча с беременной сулит счастье.

— Не бойтесь, что рентгеновское излучение вам повредит? — поинтересовался он.

— Там допустимая доза, — ответила девушка.

— Возможно.

Спустя мгновение Марк обратился снова:

— А вы в курсе, что при прохождении через сканер вам наносят незримую биометрическую метку, аналог штрих-кода. С ним вы автоматически попадаете во все электронные базы. Всего лишь секунда — и вы уже зачислены в цифровой концлагерь, вам присваивают порядковый номер, а мировые элиты держат вас на крючке.

Девушка неверно истолковала намерение Марка. Она усмехнулась.

— Знаете, ко мне еще не подкатывали на досмотре перед рейсом. Вынуждена признать ваше чувство юмора, хотя это и бестактно с вашей стороны.

В голосе незнакомки не чувствовалось ни напряжения, ни злобы. Марк отреагировал смущенной улыбкой и ляпнул что-то о работе на тайное правительство.

В самолете он сжевал холодный сэндвич с курицей и от корки до корки изучил брошюру от авиаоператора. Эконом привлекал Марка больше бизнес-класса оттого, что в первом никто не уделял пассажирам повышенного внимания и не носился с ними, как с великовозрастными детьми. Здесь стюарды не прочитывали всякий взгляд как завуалированную просьбу и не искали повода угодить.

Марк давно прекратил мнить себя исключительным. Его метафизические запросы повторяли миллионы таких же запросов, импульсивные попытки заглушить одиночество структурно вписывались в обширную сеть таких же попыток со стороны других. Марк знал, что не страдал психическими расстройствами. В его хаотичных метаниях от простоты к искусственности и обратно, в спонтанных перелетах из города в город, в разбитых телефонах и удаленных аккаунтах содержалось столько же безумия, сколько и в ухищрениях офисного труженика, торгующего из-под прилавка левыми сим-картами ради копеечной прибыли, или в оправданиях пьяницы, уверяющего, будто водка мешает расти раковым клеткам. Все это не более чем заскоки, странности, далекие от цветущего буйства и неподражаемого сумасшествия.

Перед тем, как поймать такси в аэропорте Элнет Энера, Марк разменял наличные, чтобы не развращать водителя.

— Куда едем?

— Отвезите меня, пожалуйста, в гостиницу. Чтобы она была в центре, но без вида на Кремль. Без фонтанов в холле и без вульгарных картин в номерах. Солидную, но без чрезмерного шика. С высоким рейтингом, но не наивысшим. Не замешанную в скандалах. Не предназначенную для крупных делегаций. Понимаю, что звучит почти апофатично, поэтому уточню еще два условия: со шведским столом и с отменной химчисткой.

— Мне за вас, что ли, выбрать?

— Именно так.

Шофер изобразил на лице обременительное раздумье и заявил, что поездка будет стоить две тысячи. Что ж, пускай считает, будто развел богатенького клиента.

Высаживая Марка у отеля «Волга Премиум», таксист предупредил:

— Насчет химчистки вы лучше сами у них спросите.

Марк снял люксовый номер, убедившись, что он включает и ванну, и душ.

— Ничего себе у вас фамилия! — не удержалась администратор на ресепшене, вписывая данные.

— Мы дальние родственники, — сказал Марк и подмигнул.

Дизайн в кремово-шоколадных тонах свидетельствовал, что шофер, похоже, угадал. Марк запахнул портьеры и присмотрелся к помещению. Очевидно, целостная картина возникнет не сразу, пока же в голове складывалась лишь сумма обособленных элементов. Раздельный санузел, обилие дерева в декоре, ореховая мебель, встроенные в потолок светильники, квадратная спальня с гигантской кроватью, просторная гостиная, широченная плазма на стене. Почему-то дизайнеры и проектировщики отелей исходят из того, что зажиточные постояльцы без ума от больших размеров, и потакают этой воображаемой страсти. Порадовали капсульная кофемашинка и ручной режим регулировки температуры. Марк повысил ее до двадцати четырех, чтобы передвигаться по номеру босиком.

Решено, он остается здесь на месяц.

Вот содержимое минибара если не портило всю обедню, то огорчало. Справившись у администратора, где ближайший алкостор из приличных, Марк прикупил там восемнадцатилетний «Гленморанжи».

После второго бокала он нашел очертания бутылки женственными, а после третьего путано и безбрежно философствовал сам с собой.

Все его действия последних лет — это поступки виноватого человека. Это поступки человека задолжавшего. Он всего-навсего изнеженный отпрыск, которому крупно повезло и еще крупнее не повезло. Он пробовал то, пробовал это, подступался, приценивался, перебирал, привязывался, порывал. Он подверг сомнению слишком много аксиом и не приблизился к твердому знанию. Его маршруты тяжело предсказать, но легко отследить.

Его смерть ничего не докажет. Так же, как и его мажорное существование. Так же, кстати, как и отчаянные попытки вырваться из него. Любой отчаянный жест кажется жалким, не так ли?

Отделенность и обделенность — есть ли граница между ними?

Марк выволок из саквояжа пакет с зеленой бамбуковой подушкой. Гардероб в новом городе он предпочитал менять целиком, а подушку повсюду возил с собой.

Глубокой ночью он подступился к открытому нужнику на улице. Нужник был затерян в снегах, его продувало насквозь. Приколоченная к кривому столбу, покачивалась на ветру фигура в черном балахоне, и синюшное лицо под капюшоном указывало, что это не чучело, а труп. Марк побрезгивал касаться его. Мимо прошелестел низкорослый мужичонка с мертвым младенцем на руках и сбросил ребенка в фекальную яму. Раздался плеск. Извинившись перед Марком, мужичонка объяснил, что это их древний обычай. Если не прикончить первенца, то разразится чума.

Сергей

Покинув совещание, Хрипонин ослабил галстучный узел. Теперь можно. Шея затекла, расправленные плечи задеревенели, ноги сопрели в непрактичных лакированных туфлях.

Впрочем, это того стоило. Фестиваль крафтового пива официально утвердили и внесли в план. В отчетах Гордумы «Крафтиру» подадут как культурное мероприятие в рамках республиканской молодежной политики. Госкомитет по туризму вложится в продвижение. Наймут музыкантов, напечатают буклеты. Все чин по чину.

Хорошо быть с мэром на короткой ноге, а еще лучше — состоять с ним в родственных отношениях. Именно так бы сказали завистники, но только Сергей знал, во что ему обходятся братские узы.

— Если ты меня, не дай бог, подведешь...

Михаил подступился со спины, и Сергей вздрогнул.

— Если я тебя подведу, ты будешь отвечать перед федеральными комиссиями, — сказал он, оборачиваясь.

— И не поспоришь. — Михаил усмехнулся. — Крутая речь, горжусь. Ты так страстно говорил про воспитание молодежи, про творческую активность, про позорные разливайки в спальнях районах, что я на секунду подумал, будто ты сейчас потребуешь ввести сухой закон или, на худой конец, комендантский час.

— Ну да, а свой бар подарю духовной общине.

— Ага, самое то. Кстати, я велел Кириллу доставить тебя в бар после совещания. Он ждет внизу.

— Да незачем утруждаться, — возразил Сергей. — Такси вызову без проблем.

— Он внизу уже. Ему на пользу. Если тебя не повезет, то поедет таксовать, сам понимаешь.

Сергей ненавидел этот деликатный патронаж, но поблагодарил брата за беспокойство.

Михаил элегантно, одним махом пристроил шофера к делу и в очередной раз подчеркнул свое старшинство. Да еще и обставил все как скромное благодеяние, как саму собой разумеющуюся заботу.

Кирилл на серебристом «Лексусе» дожидался на парковке Гордумы, пристегнувшись и положив руку на руль. Поза водителя породила иллюзию, точно он готов тронуться с места по шелчку пальцев.

— Как ваши дела, Сергей Владимирович?

— Отлично.

— Вот и отлично, раз отлично. Тогда поехали.

Кирилл, круглощекий стареющий добряк с аккуратно зачесанными набор волосами, поражал Хрипони́на умением затыкать паузы пустейшими фразами, при этом вкладывая в них теплоту, человечность, даже некое подобие смысла и ни разу не заискивая. Шофер идеально держал субординацию и словно бы не придавал значения тому факту, что работал на мэра республиканской столицы. Не исключено, что в узком кругу Кирилл бахвалился высоким, пусть и холопским, статусом, однако верилось в такое с трудом.

— Как в Госсовете? — поинтересовался водитель. — Жизнь кипит?

— Кипит.

По пути он без предупреждения завернул на заправку.

— Машина пить хочет, — сообщил он и захлопнул за собой дверцу.

Сергей с досады развязал галстук, скомкал его и засунул в брючный карман.

Едва ли не с любовным выражением на лице, роднящим шофера с рачительным фермером, Кирилл нежно отвинтил пробку бензобака и вставил туда заправочный пистолет.

Надо было настоять на своем и вызвать такси. Сэкономил бы и время, и нервы. А вместо этого Хрипони́н жег себя изнутри смехотворным негодованием и безропотно позволял водителю изображать из себя самостоятельную единицу.

— Напоили железного коня, пора снова в дорогу, — безмятежно сказал Кирилл, возвращаясь в «Лексус». — А представьте, Сергей Владимирович, автомобили в будущем станут на пиве ездить. Типа экологичный аналог.

— Тебя опередили. В Новой Зеландии уже разработали биотопливо на пиве.

— Ого, как здорово! Значит, годиков через пятьдесят и до нас доберется.

В окне проплыл щит с социальной рекламой. Мэрия предупреждала: «Встречная — черная полоса твоей жизни».

Добравшись до бара, Хрипони́н с порога затребовал фермерской утки и крепкого бельгийского эля. Бармен Аркадий, в меру компетентный, в меру почтительный блондин из бывших панков, наполнил бокал боссу и спросил:

— Так понимаю, крафтовый фест наверху одобрили?

— С чего это ты взял?

Пусть только Аркадий намекнет на родственные связи. Сергей его без промедления уволит.

- Если бы не одобрили, вы бы водку пошли хлестать.
- Логично. Да, утвердили, в ноябре «Крафтиру» проведем.
- Поздравляю, Сергей Владимирович. Вы заслужили.
- Все заслужили. Я заслужил, ты заслужил, город заслужил.

Хрипонин поднял бокал в знак победы и сделал торжественный глоток. В желудок словно бухнула ледяная ампула с лекарством.

Помимо бара, Сергей владел бирмаркетом и фермерской лавкой, однако только в «Рекурсию» наведывался регулярно. Если магазин проще доверить грамотному управляющему (а сокурсник Насонов зарекомендовал себя таковым), то с баром эта история не прокатит. Любое питейное заведение, если это не безликая окраинная рюмочная, куда стекается, за отсутствием альтернативы, самая невзыскательная публика, обладает ни с чем не сравнимой аурой. Эту ауру не измерить ни средней ценой за выпивку, ни качеством бизнес-ланчей, ни уровнем культуры персонала, ни дизайном интерьера, ни чистотой уборной, ни впечатлениями посетителей, нализовавшихся до покаянных звонков призракам из прошлого. Эта ускользающая от определений аура — главное, что удерживает бар в городских алкогидах, в ресторанных рейтингах и в тяжелой ротации на волнах сарафанного радио. Как ни банально, у каждого бара есть душа. И хозяин обязан отслеживать мельчайшие вибрации этой души, трепетно оберегать ее и не травмировать ретивыми новшествами или, напротив, оскорбительным невниманием. Если владелец холодеет к детищу, бар умирает. Помещение пустеет, и туда въезжают другие господа со свежим проектом и своими представлениями об устройстве души, вымученными и противоречивыми.

— Налей-ка мне имперского стаута, — приказал Хрипонин Аркадию. — И передай на кухню, пусть мне еще утки принесут.

Сергею казалось остроумным название «Эль Стакано», пока Михаил не признался, что при этих словах в его голове возникает образ красномордых мексиканцев в комичных шляпах на веревочке. Сергей ни секунды не цеплялся за бракованный вариант — лишь прекратил делиться соображениями с кем попало.

Маркетологи утверждали, что требуется одно единственное слово — емкое, благозвучное, свободное от сорных ассоциаций. Настолько же тотальное, насколько и пустое. «Искра» отсылала к совковым символам, «клевер» — к Ирландии и к пабам, «ежевика» — то ли к клубничке, то ли к яблочной IT-тематике. От компонентов вроде «крафт», «пена», «пиво», «beer» Хрипонин отсекся из-за их исчерпанности. Нет верней способа прослыть эпигоном и распугать клиентуру, чем наречь бар «Пенным причалом» или «Пивным прибоем».

«Рекурсия» угодила в поле зрения случайно. Посередине увлекательного спортивного ролика «Ютуб» выплонул на экран рекламу курса для программистов. Злясь на то, что рекламу нельзя пропустить, Хрипонин прослушал ее до конца и обомлел.

То самое слово.

Выяснилось, что понятие используют и в программировании, и в физике, и в лингвистике, и в логике, а в матанализе есть даже термин «бар-рекурсия». Сергей набрел на золотую жилу и гордился собой.

Запив последний кусочек утки последним глотком имперского стаута, Хрипонин заказал такси.

— Совершенствуемся для каждого, — пробормотал он, ступая за порог. — Заботимся о каждом.

Жена в наушниках смотрела видеоуроки по плаванию и молча подняла вверх указательный палец, приветствуя Хрипонина и вместе с тем предупреждая, чтобы не отвлекал. Он с грустью вновь отметил про себя, что ее лицо похоже на цветы из ее салонов — такое же красивое, изящное, с гармоничными пропорциями и абсолютно безжизненное.

Впрочем, незачем винить Лизу. С ее бизнесом Сергей вообще превратился бы в законченного невропата.

— Ну как, папа, крафтанул? — поинтересовался Гриша, заглянувший на кухню за кофе.

— Крафтанул, а затем повторил.

— Круто. А я тут «Декстера» смотрю, вот на минуту прервался.

— «Декстер» — это про супергероев или про вампиров?

— Про серийного убийцу, который судит негодяев.

— Славное, наверное, зрелище.

— В точку, пап!

Лиза приостановила видео и сняла наушники.

— Такое ощущение, будто вы сговорились.

— И в чем наш сговор? — спросил Сергей. — Привет, дорогая.

— Вы мешаете мне учиться кролю.

— Да тебя инструктор в бассейне научит. А по компьютеру ты фиг поймешь.

— Надо, чтобы в голове сложилась картинка. Чтобы порядок действий засел в подсознании.

— Значит, так. — Хрипонин притворился серьезным. — Шаг первый. Примите в воде строго горизонтальное положение.

— Очень смешно.

— Я активирую твое подсознание.

— Да ну вас.

Лиза захлопнула ноутбук и ушла с ним в гостиную, оставив в воздухе ускользающий шлейф парфюмерных ароматов. Гриша выбрал капучино на приборной панели и стал ждать, пока кофемашина его сварит.

— Мама сказала, — произнес сын, — что наймет репетитора по обществознанию и истории.

— Так мы вроде уже в мае договорились, что так и сделаем. Жаль, что Игорь Кириллович отказался.

— Она говорит, что уже в сентябре занятия начнем. А я хотел в ноябре. Ну, или в октябре, на крайняк.

— Мама права. Чем раньше вкатишься в учебный год, тем лучше.

— Да я уже забыл, в каком году Куликовская битва была. Мозги одеревенели за лето. Нужно постепенно вкатываться, а не так вот — сразу.

— Ну-ну, не прибедряйся. — Сергей засунул руку в карман и обнаружил там смятый галстук. — Тебе стейк пожарить?

— Нет, меня мама покормит.

— Хорошо. Тогда иди «Декстера» досматривать, пока там маньяков без тебя не переловили.

Да уж, минули времена, когда Хрипонин называл детей цыплятками.

Облачившись в домашнее, он вытащил из маринада два здоровенных куска свиной вырезки и закинул их в электрогриль. Когда стейки прожарились до мутно-розового цвета, Сергей посыпал их тимьяном, положил на решетку две лимонные дольки и снова опустил крышку.

Он ценил разговоры с сыном и не понимал тех родителей, которые стремятся воспитать детей в стерильном информационном пространстве и кривят губы при упоминании секса и насилия. Такие родители больше пеклись о собственном благообразном облике, чем о будущем детей.

Нет верней средства отдалиться от ребенка, чем приучить его к ханжеству.

Бесспорно, разногласия с Гришей случались постоянно. Хрипонин отмечал про себя безалаберность сына, его зарождающуюся заносчивость и склонность к плоским суждениям. Гриша, как и тысячи подростков его возраста, с видом мудреца утверждал, что любви не существует, а жизнь скучна. Будь сын хотя бы на пять лет старше, Сергей доказывал бы ему, что жизнь скучна для тех, кто сам тосклив и бездарен, а

существование любви выгодно отрицать тем, кто не желает прикладывать усилия для построения семьи. Сейчас же Хрипонин осознавал, что все сыновнее философствование проистекает от нехватки опыта.

Сергей гордился тем, что не отнимает у ребенка счастливых заблуждений раньше положенного.

Вот с дочерью у него не так ладилось. В шестом классе Стелла зажглась идеями радикального феминизма и начала молотить чушь про засилье цисгендерных мужчин, про токсичные отношения и подружественные коммуны. Лиза призывала Сергея не бить тревогу.

— Сам знаешь, — говорила она. — Вчера они увлечены куклами, сегодня корейской музыкой, а завтра еще чем-нибудь. Не отбирать же у нее Интернет.

— Правильно, — соглашался Сергей.

В конце концов, дочь могла подцепить интерес и к чему похуже. К роликам Навального, например. Сегодня дети взрослеют быстро.

В августе они отправили Стеллу в элитный лагерь с изучением английского языка и ждали ее возвращения с надеждой, что за месяц дочь избавится от глупостей в голове или хотя бы заменит их на другие.

Настя

Пускай мама думает, что Настя обиделась, хотя это вовсе не так. Обиды — этап пройденный, а теперь Настя впервые дала отпор. Желая пристыдить дочь, мама ее разозлила. Пускай теперь сама помучается и осознает, каково это, когда с твоей совестью проворачивают циничные махинации. Пускай любитесь кошунственной юбкой в гордом ведьминском одиночестве.

Соседке по общежитию Настя о ссоре с матерью не рассказала, зато бабушке за глаза досталась шутливая взбучка.

— У нее строгое мясное кредо, — пояснила Настя. — Она боится, что мы тут отошаем, как узники в Освенциме.

— Жуткая смерть двух магистранток потрясла Элнет Энер, — произнесла Даша тоном захолустного репортера.

— Надо будет месяца через три на фотошопе сделать впалые щеки, обескровленное лицо и послать фотографию бабушке.

— Страшно представить ее реакцию.

— Она примчится спасать нас борщом и макаронами по-флотски.

Даша призадумалась.

— Иногда мне кажется, мои только порадуются, если меня увезут на скорой из-за растительной диеты. Тогда заботливый диетолог с докторской степенью вылечит меня от капризов и научит любить всех земных тварей, что попадают ко мне в тарелку.

Настя с Дашей познакомились на вступительных экзаменах и сразу договорились, что поселятся вместе, если поступят. Насте импонировали девушки такого типа: пластичные, улыбчивые, легкие на подъем, с открытым взглядом и без намека на subtilность. Даша занималась йогой, коллекционировала фенечки, заплетала дреды себе и другим и часто повторяла слово «добро». Вера в Джа составляла краеугольный камень ее мировоззрения. Через пять минут после знакомства с Дашей можно было без опасений ставить квартиру на то, что она боготворила Олю Маркес и равнялась на нее.

Так и оказалось: Дашин плейлист включал все альбомы «Alai Oli», а сама она постила цитаты вокалистки с завидным постоянством.

Соседка встретила Настю в черной футболке без рукавов и в карго болотного цвета. На загорелых плечах красовались коричневые веснушки, напоминавшие пятнышки на зрелом банане.

— Свидетельница Боба Марли! — воскликнула Настя.

— Она самая!

Польщенная Даша запустила руку в один из многочисленных брючных карманов и протянула на ладони карамельку в прозрачной обертке.

— Клюквенная. По вегану, без сахара и без краски. Я тут чудесный экомгазин нашла поблизости. Обязательно тебя туда свожу.

В знак доверия Настя сразу закинула конфету в рот. И правда, заметно лучше барбарисок ядовито-рубинового цвета, царапающих нёбо и сводящих скулы от кислоты. Кажется, с коммуникацией в Элнет Энере трудностей не предвидится. Если, конечно, Дашу не отчислят из универа за примерное растафарианское раздолбайство.

Пока Настя раскладывала вещи, соседка поведала ей об утреннем казусе на общей кухне.

— Захожу я, значит, проверить проростки. Там Мишель, наш негр-историк, жарит бананы на сливочном масле. Я смотрела-смотрела и осторожно спросила: «Почему ты их жаришь?» А он такой раздраженный повернулся и говорит с глубокой обидой: «Я разве обезьяна, чтобы их сырыми есть?»

Смущенно улыбнувшись, Настя предположила:

— Наверное, его достали этим вопросом.

Комната превзошла ожидания Насти. Чистенькие бежевые обои, пусть и подрастерявшие в свежести, тешили взор. Высокий потолок и широкое расстояние между кроватями, застеленными покрывалами в бело-фисташковую клетку, даровали ощущение покоя. Вместительный шкаф, солидные по меркам провинциального вуза тумбочки, персональные книжные полки — все складывалось в славный пазл, собирать который было одно удовольствие. На стенах в рамках и под стеклом висели фотографии с главными достопримечательностями Элнет Энера. Ничто нигде не отваливалось, не свешивалось, не скрипело, а завершал все это скромное великолепие обволакивающий яркий свет — не чета маминым тусклым энергосберегающим лампочкам.

* * *

На обед Даша накормила Настю веганским пловом с баклажанами и заварила имбирный чай. После обмена типичными шутками о скудном травоядном питании соседка уведомила, что пригласила гостей на вечеринку в честь новоселья.

— Сначала концентрация фриков покажется тебе запредельной, — предупредила Даша, — но вскоре ты почувствуешь, как комната заполняется теплом. Мы устроим островок гармонии и счастья на просторах скучной казармы. Именно ею, как я убедилась, и является эта общага с занудными дежурными по этажу, бессердечными вахтерами и комендантшей, для описания унылости которой не хватит никаких сильных эпитетов. Ты играешь на укулеле?

— Ни разу не пробовала.

— Я тебя научу.

Настя приняла душ и сделала укладку, нанеся на волосы глину и хорошенько взбив их. Вид в зеркале поколебал представления Насти о себе, поэтому она аккуратно расправила некоторые пряди. Теперь годится. Хаосмос во всей красе. Ну, может, не во всей, но красе.

Ее наряд на вечеринку составили черные джинсы и черная блуза-туника.

— Шикарно, — заверила Даша.

— Я ощущаю себя дебютанткой на сцене.

— Это не классический театр, так что нам не грозит публика из старперов, которые хвастаются своей умудренностью. Не волнуйся.

— Как думаешь, мне стоит что-нибудь купить и приготовить для гостей?

— Абсолютно ничего. Мы хозяйки, а они путники, которые бредут к нам на пламя свечи и приносят корзинки с дарами.

Сказав так, Даша пошла жарить картошку и мастерить салаты, фруктовый и фасолевый. На все предложения помочь она отвечала вежливым, но твердым отказом.

К шести начали стекаться те самые путники. Степень их фриковости Даша преувеличивала. Никто из гостей, на первый взгляд, не дотягивал до звания загадочного или хотя бы странного. Филолог Рита, очаровательнейшее существо с синими дредами и вздернутым, как у принцессы, носиком, притащила с собой бананы и грузинский виноградный лимонад. Басист Митя в затасканной черной куртке из кожмита, выделявшийся лающим смехом и почти что зомбическим выражением бровей, не взял с собой ничего и патетично извинялся, демонстрируя пустые руки с нестриженными ногтями. Маша и Костя, трогательная пара с безупречными манерами, водрузили на стол сухое красное вино, адыгейский сыр, гуакамолу, три пачки кукурузных чипсов и пластиковые стаканы. Наконец, небритый Денис, который в силу возрастной помятости не мог никоим образом принадлежать к студенческому миру, извлек из кармана ветровки бутылку киргизского бренди. Как пояснил Денис Насте, хоть в его облике и нет ровным счетом ничего татаро-монгольского, его степной отец пас лошадей и пил кумыс.

Настя дивилась, когда только Даша, приехавшая в Элнет Энер на день раньше, перезнакомилась с этими людьми.

Рита рассказывала о летнем путешествии в Грузию и беспощадном кавказском гостеприимстве. Все с увлечением слушали, лишь Митя скептически перебивал повествование.

— Да быть такого не бывает! — провозглашал он. — Они там все потомственные русофобы.

— Мне такие не попадались.

— Тебе повезло, там повальная русофобия, — не унимался Митя.

— Нет там русофобии!

Настя стала ждать, когда скандальный музыкант объявит, что красота — это страшная сила и тайное оружие, благодаря которой русских девушек привечают даже на враждебных землях.

Не исключено, что Митя опустил бы и до таких приемов, если бы не вмешалась Даша.

— Так, — сказала она, — не будем отравлять дружную компанию националистическими миазмами.

Она достала укулеле и исполнила «Любочку». Настя, помнившая текст, изумилась, что эту не самую раскрученную песню из доцифровой эры знали все за столом. Раздухарившийся Митя подпевал темпераментнее остальных.

— Всем добра! — воскликнула Даша с последним аккордом.

— Всем добра!

— Йоу!

После второго бокала вина разговоры за столом разделились. Митя снова увел Риту и Дашу в грузино-русские политические дебри. Влюбленные шептались в своем уголке. Денис, почесывая заросшие щеки, примеривался к Насте и, судя по всему, целил ей в сердце. Меткостью он положительно не отличался.

— Даша сказала, что ты очень умная.

Настя пожала плечами.

— Ты ведь этнограф?

— Да.

— Этнография — полезное направление, — сказал Денис. — Оно напоминает нам, что каждый народ, даже самый маленький, значим для человечества. Нет более привилегированных и менее привилегированных. Отец мой повторял, что солнце для всех светит одинаково.

Настю подмывало состричь, что как раз таки солнце для разных этносов светит по-разному, эскимосы не дадут соврать.

— Наверное, он прав, — продолжал Денис. — Пусть мы и не сблизимся, я многому у него научился. Не уверен, что я правильно понимал отца и определял его место в моей жизни. Я не виноват, и все же мне есть, о чем жалеть.

Настя молчала.

— Спустя годы на нас наваливается тоска по временам, когда мы испытывали счастье, но не сознавали его. Мы напрасно хватаемся за то, что ускользнуло от нас.

В кармане Насти просигналил телефон. Никогда еще ее так не радовали уведомления. Она коротко извинилась и выскочила в коридор, подальше от рефлексивного типчика и его половинчатых откровений.

Извещение из «Вайбера». Час от часу не легче. Установившая этот мессенджер разве что от избытка свободной памяти на телефоне, Настя не пользовалась приложением и не советовала его друзьям.

тут ты меня не забанила)

Насте словно снежок закинули за шиворот.

как ты, крошка?

скучаю по тебе

сильно-пресильно

Зачем это писать? Зачем это писать так?

ты уехала, как напоказ. мне не нужно очевидных знаков, чтобы прозреть. да, ты холодильник. ты не любишь меня, у тебя своя жизнь, свои планы. вот только не зачем, подруга, сбегать от меня. это обидно, знаешь ли

я тебя не преследую, это ты от себя бежишь

Дрожащими пальцами Настя снесла «Вайбер» вместе с треклятой перепиской. Коридорные стены угрожающе надвинулись, и Настя поспешила обратно в комнату.

— Сестра, что с тобой? — воскликнула Даша.

— Ничего.

— У тебя такой вид, как будто на твоих глазах человека расстреляли.

— Как будто раздавленную кошку в постель подложили, — добавил Митя.

Даша без предисловий съездила ему локтем по ребрам и наставила на Настю вопросительный взор.

— Кое с каким делом надо разобраться. Позвонить родным, уточнить. Связано с документами. Ничего серьезного.

Настя схватила портфель и двинулась к выходу.

— Ты ведь не домой сорвалась на ночь глядя?

— Нет, что ты. Я скоро вернусь.

— От нас точно никакой помощи не требуется?

— Никакой.

— Может, деньги?

— Нет. Спасибо.

Даша кивнула.

— Тогда расправляйся со своим делом и поскорей возвращайся на наш островок гармонии и счастья!

Уже в коридоре Настю догнала клейкая субстанция по имени Денис.

— Я тебя не обидел?

— Меня никто не обидел.

— Мало ли. Вдруг ляпнул не то.

— Все в порядке.

— Могу я сейчас помочь тебе чем-нибудь?

— Спасибо, я сама.

Несвежая черная футболка с рисунком рыбьего скелета наплывала на Настю. Едва сдерживаясь от того, чтобы не оттолкнуть Дениса, она пятилась в сторону лестницы. Увеличив расстояние до тактичного, девушка повернулась и помчалась.

Ему, наверное, тридцать пять, если не сорок, а он ловит шансы с иногородними студентками.

Что за наказание! Это не ее место, не ее. Она должна учиться в Чехии, в Нидерландах, в Норвегии, в Австралии или в Новой Зеландии, собирать легенды в поморской глубинке и спасать саамов от исчезновения.

Перед глазами мелькали убывающие цифры. Четыре, три, два. Зловещий красный на побелке. Как будто маляр, обезумевший от своей безвыходной скрупулезности, методично наносил номера этажей артериальной кровью через трафарет.

Во дворе общаги разгуливал полицейский патруль — крупные темные силуэты. Дубинки покачивались на их поясах.

Вы, ребята, последние, кому можно довериться.

Как абсурдно. Почти никто не любит полицию, однако почти все считают, что без нее нельзя.

Елисей

Матвей понял все по измаянному лицу друга. Елисей выглядел, как крестьянский сын, сбежавший из родного села и проведший бессонные ухабистые ночи в рыбном обозе.

Матвей расстелил постель, и Елисей, скинув джинсы и носки на ближайший стул, юркнул под одеяло в дорожной толстовке.

— В следующий раз сниму. И футболку тоже. Простынь постираю. Не буди.

Объятия Морфея настигли изнуренного путника удушающим захватом.

Пролежав без малого семь часов без единого движения, Елисей пробудился и рывком сел на кровати. Матвей, работавший рядом за ноутбуком, швырнул ему на колени махровое полотенце с символикой «Манчестер Юнайтед».

— Думал, ты захочешь принять душ, когда проснешься.

— Спасибо, хоть шампунь не кинул.

К выходу Елисея из ванной Матвей пожарил яичницу с помидорами и сварил в турке кофе. Елисей набросился на еду с таким аппетитом, что треск за ушами утратил свою метафоричность.

— Моей стряпне еще никогда такие комплименты не делали, — сказал Матвей. — Сдается мне, либо ты напрямик из блокадного Ленинграда сбежал, либо тебя Лена твоя голодом уморила. Как она, кстати, отнеслась к твоему переезду?

Не прекращая молотить челюстями, Елисей поднял вверх большой палец.

— То есть с надлежащим уважением?

— В точку.

— А как сама дорога?

Елисей отжевался, вытер рот салфеткой и пересказал автостопный трип, особенно напирая на ночевку под звездами и на бешеный заезд в «Тойоте Камри».

— Фееричная история, — заключил Матвей. — Вдруг этот психованный таким образом служит народу?

— Это как?

— Начнем с того, что он не работяга, который задержался на даче допоздна и вез домой репу, редиску и морковь.

— Маловероятно, — согласился Елисей.

— Машинка у него солидная, как и костюм.

— Я и говорю, что он фээсбэшник или депутат местный.

— Мелко берешь. Это серый кардинал тиранического режима. Влиятельный тип,

чь руки до плеч испачканы кровью узников совести. Важный гусь с абонементом в политическое закулисье. И внутри этого мерзавца спрятан надломленный человек, страдающий от своих злодеяний. Чтобы хоть как-то их компенсировать, твой таинственный водитель спонсирует детские фонды, анонимно дарит инвалидам коляски и протезы, а по ночам подвозит автостопщиков до Элнет Энера. На высоком посту он не способен служить народу напрямую, вот и ищет обходные пути.

Полет фантазии оборвал Влад, сосед Матвея, ввалившийся в кухню и прозаично потянувшийся в холодильник за кефиром. Костлявый и бледный, со взерошенными волосами и заправленной в песочные бриджи зеленой футболкой, Влад производил впечатление чокнутого программиста, объявившего бойкот законной действительности.

— Это наш Одиссей прибыл, — представил Матвей питерского друга.

Влад присмотрелся к новому квартиранту и сказал:

— Для обеда сейчас слишком поздно, а для ужина — рано. Полдники у нас не заведены, так что Матвей, наверное, тебя ценит, раз готовит тебе в неурочное время. Я людей не очень люблю, но пусть тебя это не напрягает. Велкам, как говорится.

Влад отпил из бутылки кефира, сунул ее обратно в холодильник и потопал к себе в комнату.

В переписке Матвей намекал на суровый характер соседа. Судя по скупому, но фактурному описанию, Влада сложно было причислить к компанейским парням. Он промышлял криптовалютой, почти не покидал дома, не общался с девушками и не смотрел сериалы, а на его стене висел постер с Михаэлем Шумахером.

Спустя минуту Влад вернулся и пожаловался Елисею на голубых.

— Не проходит и дня, чтобы я не увидел в новостной ленте запись про гомосексов. То на них охотятся, то их защищают. Засилье гейства в информационном поле.

— Раздражает, — согласился Елисей.

— Почему меня впутывают в чужие интимные отношения? Почему меня вынуждают занять позицию по вопросу, который меня не интересует, а?

Бормоча ругательства, Влад снова достал кефир и унес его с собой.

Елисей не насытился яичницей, и Матвей дополнительно сделал ему и себе сэндвичи с сыром и беконом. За едой бывшие однокурсники перемыли косточки университетским преподавателям, обсудили капризную петербургскую погоду и вспомнили затяжные, как переправа через Стикс, поездки по эскалаторам в метро. Матвей, расчувствовавшись, извлек из навесного шкафа две старые стопки и початую текилу.

— Помянем?

Елисей указал на горло и произнес:

— Отекает каждое утро. Реагирует на горячее и холодное, на острое и вяжущее. Бунтует против алкоголя в любых проявлениях. Даже безалкогольное пиво его, видите ли, не устраивает.

— Сочувствую, дружище.

— Надеюсь, причина в северном климате, точнее в его болотно-озерной вариации.

— Уверен, что так. Ничего, в наших краях скоро поправишься. Стаканами будешь спирт глушить.

— Я и от сериалов стал воздерживаться, — сказал Елисей. — Там в кадре постоянно мелькает алкоголь. Герои смачно осушают бокалы с виски по поводу и без, в одиночестве и в компании, затыкая паузы и поддерживая диалог. Если бы при просмотре «Ада на колёсах» я накачивал по стопке бурбона каждый раз, когда мне в глаза изящно и будто невзначай тычут аппетитной выпивкой, то к шестой серии я бы заговорил с персонажами, а к десятой — помчался бы в магазин за револьвером и ковбойской шляпой.

Матвей понимающе убрал текилу в шкаф.

— Кстати, о выпивке, — продолжил Елисей. — Где у вас самый крутой крафтовый бар?

— Сожжешь его, чтобы не соблазнял?

- Ни в коем случае. Я бы сходил туда.
- Матвей озадаченно почесал затылок.
- Блог сам себя не напишет, — объяснил Елисей. — А пить я там не собираюсь.
- Подписчики не поймут, — согласился Матвей.

* * *

Елисея мучило чувство вины. Он нагло заснул в грязной толстовке, сбил Матвею и Владу режим питания, вторгся в их устоявшийся быт. Пускай они проведут вечер без хворого постояльца и рассудят, как с ним поступить. Если оставят без пяти минут иждивенца у себя, то славно. Если выпнут, тоже не беда. Можно податься в Саратов. Либо вернуться в Петербург. Либо махнуть на все и осесть в Трёхгорном. Это не лучший исход, но и не катастрофа.

Елисей шагал по широким тротуарам и скользил взглядом по вывескам. «Неврологический центр лечения боли», «Вейпер из виртуальной галактики», «Санта Барбер», творческая студия для детей «Рандеву Кидс», квест-пространство «Ризома», магазин инструментов «Синьор Гвоздождёр», продуктовый «Анчар».

Елисей поостерегся бы снеди оттуда.

Город ухмылялся и интриговал.

Бар «Рекурсия» располагался в самом конце центральной улицы Нарайна, названной, согласно «Википедии», в честь местного большевика-революционера. Обилие света и воодушевленных лиц за стеклянным фасадом притягивало, а в воздухе витал легкий хмельной запах куража, раскрепощенности и скрепленного выпивкой студенческого братства и сестринства.

Елисей набрал в грудь воздуха, настраиваясь стоять насмерть в битве с искушением, и толкнул дверь.

Сорок кранов с самыми разными сортами — от пацифистского цветочного сидра до ячменного вина с воинственным нравом, от консервативного лагеря для олдфагов до экспериментального имперского стаута с замахом на революцию в истории пивоварения, от бельгийских ламбиков до челябинских портеров, от норвежцев до голландцев, от американцев до эстонцев — способны были удовлетворить самого взыскательного пивного брюзгу, имеющего привычку принижать плюсы и раздувать минусы. Прямоугольные столы для компаний от двух до десяти человек тянулись вдоль иссиня-черной стены с ликбезом по пивной теории. Рядом с холодильниками, забитыми сверху донизу бутылочным крафтом, разместился большой стол в форме полукруга, а над ним нависала помпезная трехъярусная люстра с пустыми бутылками, перевернутыми вверх дном. Их пестрые этикетки хотелось коллекционировать и коллекционировать.

В баре восседали вчерашние подростки с оголенными щиколотками и симпатичные бунтарки с синими и зелеными волосами, принарядившиеся для выхода в свет давние подруги и робкие парочки на втором или третьем свидании, псевдонордические самцы с ухоженными бородами и выбритые до синевы канцелярские служаки. Наметанный глаз Елисея вмиг различал прожженных бир-гиков и настороженных неофитов. Экраны беззвучно транслировали футбол, а из колонок лился приятный фолк.

Елисей попал в свою стихию.

Он приметил двух одиноких посетителей. Первый, молодежавый субъект в малость помятом синем костюме, усердно поглощал креветки, и с пальцев его капал жир. Вторая, отрешенная девушка с каре, облаченная в свободную блузку и джинсы, задумчиво вертела перед собой картонную подставку для пива то по часовой стрелке, то против нее. Девушка словно сбежала с посредственного концерта и теперь размышляла, правильно поступила или нет. Бокал ее был пуст, если не считать крохотных клочков пены на дне.

— Здравствуйте, — обратился Елисей. — Вы решите, что я к вам клеюсь, однако это не так.

Она медленно подняла на него взгляд. Далекий от ласкового.

— Штука в том, что я делаю обзоры пива, а из-за фарингита мне пить запрещено. Бытие устроило мне засаду.

— Не вам жаловаться на бытие, — сказала девушка. — Вы, например, сегодня третий, кто ко мне подкатывает. Первый интересовался моими музыкальными пристрастиями. Второй вспоминал отца, который пас лошадей. Вы же давите на жалость.

— Вы неверно поняли, — возразил Елисей. — Я пивной блогер и собираю материал для обзора. Вот.

Он показал незнакомке свою профиль в «Инстаграме». Лицо ее посветлело.

— Ого!

— Что «ого»?

— Вы тот самый обзорщик, который пишет об ураганах, лавинах и прочей стихийной жути?

— Смотрю, вы в теме.

— Читала ваши публикации на «Крафт депо». Значит, про фарингит это правда?

— Сушая правда.

Девушка прикрыла лицо рукой.

— Простите, я вам нагрубила.

— Ерунда, обычное недоразумение. Так вот. Я отчаянно нуждаюсь в помощи. Давайте я возьму вам пиво, вы его протестируете, а я приду домой и по горячим следам набросаю заметку. Идет?

— И вы не навяжетесь за мной до дома?

— Даже не умоляйте.

Она кивнула.

— Есть уточнение. Позвольте мне побыть эмансипированной женщиной и самой купить себе пиво.

— Это лишнее. Я никогда не покупаю пиво. Меня им угощают.

Елисей достал из кармана пластиковую карточку.

— Пожизненный абонемент на бесплатное пиво от Крафтовой ассоциации России.

— Ого!

— Какой сорт вам принести?

— Любой, только не сладкий. И без молока.

— Непереносимость лактозы?

— Вроде того.

Пряча ликование, Елисей подошел к барной стойке и помахал абонементом перед барменом с пышными усами, подровненными ножницами по первой моде. Бармен, узнав блогера, настоял на совместном селфи, а затем принялся вдохновенно перечислять новинки. Крафтовый рынок определенно переживал взлет. У Елисея все скрутило внутри от недоступного ему изобилия, пока он выбирал.

— Извините за задержку, — сказал он, возвращаясь за столик с пивом для девушки и апельсиновым соком для себя. — К вашим услугам сухой стаут «Испытание пеплом». В основе ячменный солод, копченный на торфе.

— Звучит как название ядерной боеголовки.

— Угу. Кстати, я вспомнил киношный штамп. По логике сценаристов, я мимоходом, как бы ненароком, должен спросить: «Извините, я забыл ваше имя».

— А я должна ответить: «Я его не называла». И заподозрить вас в тайных намерениях.

— Именно!

Елисей на мгновение откинул голову и опустил веки. Ему нравилась его собеседница. Его завораживали ее сдержанный голос, непокорные волосы соломенного цвета и милая щербинка между передними зубами.

— У меня эксцентричное имя, — сказала она.

— Жизель?

- Близко.
- Жанна.
- Побойтесь Бога.
- Жозефина?
- И я всю жизнь обречена искать Наполеона с имперскими амбициями. Елисей хмыкнул.
- Я запугался.
- В общем, это шутка. Я Настя. Оригинально, правда?
- Головоломно. — Елисей поскреб в затылке. — Дайте угадаю, вас в шутку уже называли Анестезией?
- Раз сто. А как зовут вас?
- Как и героя из «Сказки о мертвой царевне» Пушкина.
- Там, где семь богатырей?
- Да.
- Настя вздохнула.
- Теперь вы сочтете меня глупой, ведь на ум мне приходит лишь царь Салтан из другой сказки.
- Не сочту. Тогда вторая подсказка. Париж.
- Винсент?
- Ни разу.
- Хм. Эрнест?
- По-вашему, я похож на Эрнеста?
- Гюстав Эйфель? Оноре де Бальзак? Людовик какой-то там? Это нечестно!
- Хорошо-хорошо. Открываюсь. С Парижем связаны Елисейские поля, а королевич Елисей — это жених мертвой царевны.
- Скажите еще, что Елисея проще отгадать, чем Настю.
- На изи! Ладно, раз уж мы познакомились, может, перейдем на ты?
- Договорились. Хоть это и неловко — на «ты» с королевичем.
- Елисей взял со стола зубочистку, освободил от пленки и разломил пополам. Вот бы махнуть рукой на телесные сбои, на врачебные наказания и заказать пива для себя. Пробовать сорт за сортом и длить праздник до тех пор, пока он станет невыносимым. Этот вечер слишком прекрасен, чтобы не выпить.
- Пришлось незаметно ущипнуть себя за ногу.
- Мои вкусовые рецепторы передают тебе благодарность, — сказала Настя. — Кофейная линия в основе на редкость плодотворно сочетается с торфяными обертонами. Описать свои ощущения?
- Ни в коем случае.
- Тоже так подумала. Я излагаю сбивчиво, да и ты в своих обзорах, похоже, не слишком опираешься на детали.
- Верно. А вот сравнение с ядерной боеголовкой мне пригодится. Не против, если позаимствую?
- Настя пожала плечами.
- Твое пиво — твой обзор — твои образы.
- Отличный слоган! Сравнение же запало, потому что я родился в уральском городе, где производят ядерное оружие.
- Как любопытно!
- Как-нибудь расскажу об этом.
- Произнеся это, Елисей смешался. Сейчас Настя припишет ему тайные намерения, долгосрочные планы и сухо попрошачется. Решит, что ее расположение покупают за бокал стаута. Чтобы не обременять девушку излишним интересом, Елисей тактично увел взгляд.
- За соседним столом крупный тип с эспаньолкой и ранней сединой в волосах деловито заливал что-то в уши молодой спутницы. Облаченная в облегающее фиолетовое

платье до колен, она любезно, с подчеркнутым достоинством внимала рассказу, не кивая и не поддакивая.

— ... такие китайские товары «Али экспресс» отправляются в Россию транзитом через Казахстан, — утверждал мужик. — Сейчас это самый развитый торговый узел в Средней Азии. Мировые корпорации инвестируют в Казахстан миллиарды долларов, там прокладывают автодороги, строят нефтепроводы и больницы. За двадцать лет прожиточный минимум в стране вырос, вдумайся, в семь раз. Если бы меня на камеру спросили, где грамотнее распоряжаются природными ресурсами и где выше уровень жизни, в России или в Казахстане, я бы без сомнений выбрал второе.

Распевая дифирамбы дружественному цветущему государству, тип периодически проводил пальцами по эспаньолке, будто удостовераясь, что контуры ее не изменились. Под белой рубашкой с крапинками, расстегнутой на две пуговицы, виднелась бритая грудь, красная и упругая, как дубленая кожа.

Елисея передернуло от мысли, что сейчас он выглядит похожим на этого самодовольного охотника, красующегося перед добычей.

— Я даже не предполагала, что один из главных пивных блогеров живет в Элнет Энере, — сказала Настя.

— Честно говоря, это и для меня неожиданность. Я бросил Питер и пришвартовался здесь этим утром.

— Ого.

Настя сделала большой глоток и задержала его во рту. В ее карих глазах с оливковым отливом установилось изумление, точно ей сообщили, что ее любимое кафе внезапно закрылось.

— Представь, что у тебя малоизвестный мобильный оператор, — произнесла она. — Совсем нераскрученный. Ни рекламы на «Первом канале», ни фирменных салонов связи на автобусных остановках, ни шариков с символикой компании. И вдруг ты встречаешь человека, который пользуется тем же оператором, что и ты. У меня аналогичные чувства. Я ведь тоже приехала сюда сегодня.

Ответить Елисею помешала хлопнувшая за спиной дверь. Он повернул голову, и брови сами собой приподнялись.

Лохматый субъект на пороге казался диким.

Не варваром, не безумцем, а именно диким.

Юношеские черты в облике нового посетителя уживались со старческими, а его возраст навскидку не определил бы и специалист по социальному страхованию. Кончики выпуклых ушей торчали из-под вздорных рыжих косм, а выскобленные дряблые щеки добавляли виду потрепанности. Армейский низ контрастировал с отшельническим верхом: начищенные берцы слоновьего размера и камуфляжные штаны без всякой логики дополняла затрапезная шерстяная водолазка, облепленная репейными колючками. Вошедший двумя руками опирался на алюминиевую трость.

Все смолкли. Исчезла даже музыка.

— Моя порочная паства! — загремел раскатистый голос. — Вы снова отринули учение Божье!

Раздались аплодисменты.

— Руби с плеча, святой отец! — выкрикнул кто-то.

— Слава проповеднику!

Новоявленный гость потопал вдоль столов и барной стойки в дальний конец, волоча за собой трость. Она погромыхивала на стыках кафельных плит, как железнодорожный состав во время торможения.

Почти добредя до кухни, вихрастый субъект развернулся.

— Известно ли вам, что есть незрелость? Откуда она берется? Пребывает ли она в душах от рождения или проклевывается в них потом ростками белены и дурмана? Считается ли незрелым безвинное дитя или его безгреховная сущность ограждена от той незрелости, что губит нас?

Притихшая публика ждала продолжения.

— Вчера у фонтана меня потрясла юная дева. Она курила электронную сигарету и плакала так, что ее слезы, подобно воскресному дождю, зашуршали в моем сердце. «Что с тобой, дочь моя?» — спросил я, подавая платок. «Моя жизнь кончена! — воскликнула юная дева. — Кругом ложь и вероломство!» — «Но почему ты так решила?» — снова спросил я. И тут она утерла слезы и промолвила: «Потому что нож в спину вонзают те, кого защищаешь грудью».

«Проповедник» ударил кулаком по барной стойке, точно она перед ним провинилась.

— Она извела боль, — изрек он. — Она открыла, что подлунный мир заключает в себе не только радость, но и горе, не только великодушие, но и коварство, не только свет, но и мрак. Подлость сбила ее с ног, и сомнение трупными червями прокралось в ее нежную душу. Горизонт заволочло графитовыми тучами, и пыль взвилась столбом.

Между тем бармен наполнил стакан лагером и учтиво подвинул его вещателю. Дикий незнакомец отхлебнул треть и вытер губы рукавом.

— Кто из нас осмелится судить юную деву? Кто из нас проводит смехом ее согбенную фигурку, устремленную в неизвестность? Кому из нас неведомо отчаяние, заполонившее ее? Разве не сталкивались мы с бесчестьем, которое сокрушает волю, и с обманом, который толкает в пропасть уныния? Разве не наступало нас озарение, что властвуют в земной юдоли негодяйство и беззаконие, лицедейство и алчность, равнодушие и цинизм, хейтерство и хайп? Словно кишечная хворь, набрасывались на нас немощь, страх и великий трепет. Не умея совладать с этими напастями, мы мирились с ними. Да, говорили мы, здесь нет ничего, кроме торжествующего скудоумия и циркулирующего разврата. Да, говорили мы, Бога не существует, а если Он и был когда-то, давно нас оставил. И считали себя умудренными, прозревшими, проникшими в чернильную сердцевину мироздания.

«Святой отец» запрокинул голову и опустошил стакан с пивом.

— И в этом наша роковая ошибка и слабость. Мы принимали за зрелость всеведущую ухмылку, прилипшую к устам, и презрение к боли ближнего своего. Мы кичились горьким опытом, как кичатся породистыми псами или горными алмазами. Мы кляли тех, кто гонится за деньгами, за статусом, за славой, кто поклоняется вещам и накручивает подписчиков в «Инстаграме», и брезговали теми, кто живет иначе. Боже всемилостивый, вопрошаю я, и это называют зрелостью?

Субъект сделал паузу и продолжил, теперь уже тихо и вкрадчиво.

— Подлинная зрелость иная. Она состоит в ясности ума и твердости сердца. Человек, верный Господу, говорит ясно и твердо держится своих слов, приспешник же дьявола изъясняется путано и в разговорах виляет. Незрел не младенец, кричащий в люльке, а человек, познавший сладость греха, как познают друг друга жених и невеста на свадебном ложе, и дозволивший себе грешить. Младенец не примет дьявола в объятия, ведь что младенцу до токсических щедрот, обещанных дьяволом! Что младенцу до лести и вирулентных ласк! Дьявол вербует лишь тех, кто уже вкусил от разочарования и подверг сомнению истину, красоту и благо. Незрелость — вот имя той слабости, что разоружает нас пред дьяволом. Незрелость — вот тот порок, что рушит нашу связь с Господом. Да превозможем мы в себе этот порок, да не убоимся зла, да не уподобимся гнусным шакалам! Укрепляйте в душе добродетель и будьте примерной паствой! Аминь!

— Аминь! — заголосили из-за столов.

«Святой отец» пригрозил тростью невидимым врагам и под овации бар покинул. Тип с эспаньолкой кивнул куда-то в пустоту.

— Приз зрительских симпатий сегодня за ним, — пробормотал Елисей.

— Я бы даже сказала, приз зрительских эмпатий, — прибавила Настя.

Она смущенно отпила из бокала. Елисей, меньше всего желавший остаток вечера обсуждать посторонние вещи вроде вечерней проповеди, сказал:

— Я заволновался, когда ты объявила себя эмансипированной женщиной.

— Почему?

— Испугался, что припомнишь мне все грехи патриархата.

— Слишком много разговоров о грехе в столь тесном пространстве, — усмехнулась Настя. — Не бойся меня, я не злая фемка. То есть злая, но не настолько, чтобы мечтать о мире без мужчин и расценивать каждый мужской жест как харассмент.

— Тогда вздохну с облегчением. Я не настолько наивен, чтобы верить, будто можно жить без предубеждений, но твоя категоричная враждебность меня бы обескуражила.

Елисей отметил, что бессознательно воспроизвел ту же речевую конструкцию, которую использовала Настя. Не настолько, но.

— Как и любое социальное движение, феминизм неоднороден, — сказала она. — Раздоры между его течениями и внутри них иногда даже яростнее, чем споры с мужчинами.

— Подозреваю, что вы ссоритесь посильнее, чем фрейдисты с юнгианцами.

— Наверное, да. По статистике, половина банов в феминистских пабликах выписываются женщинам. Движение расколото. Если либеральные и интерсекциональные феминистки в целом дружат между собой, то радикальные презирают первые два течения и называют их представительниц подстилками патриархата.

— А в чем коренное различие между ними?

Настя сделала последний глоток пива и вытерла губы, аккуратно, как на званом ужине, приложив к ним салфетку.

— Либеральные феминистки борются за равенство прав с мужчинами и выступают за равные зарплаты, за равные карьерные возможности, за отсутствие гендерных привилегий. Либеральные феминистки винят не отдельных мужчин, а консервативные патриархальные ценности. Интерсекциональные феминистки идут дальше и воюют с притеснением как таковым. Если либеральный феминизм по преимуществу ставит в центр белую западную женщину, то интерсекциональный настроен на устранение самых разных дискриминаций: по гендеру, по цвету кожи, по сексуальной ориентации, по возрасту, по телосложению. Иначе говоря, интерсекциональные феминистки расширяют пространство борьбы и шире толкуют справедливость.

— А радфем?

— Радфем беспощаден ко всем, кто не разделяет его ценности на сто процентов. Для радикальных феминисток женщины и мужчины — это два полушария, два замкнутых сообщества: первое — угнетенные и жертвы, второе — угнетатели, абьюзеры, насильники. Среднего не дано. Они убеждены, что нет мужчин вне патриархата. Тогда как либеральные и интерсекциональные феминистки хотят реформировать систему, радикальные мечтают ее опрокинуть. Отсюда и введение в речь феминитивов, и отрицание концепта романтической любви, и даже неприязнь к трансгендерам.

— Я, конечно, трансами не восхищаюсь, но их-то за что? — удивился Елисей.

— По мнению радфем-активисток, есть за что. Если женщина меняет пол на мужской, то ее причисляют к предательницам. Мужчину, который совершает обратное, тоже не признают за своего. Радикальные феминистки утверждают, что женщина не с рождения — это не настоящая женщина, так как бывшему мужчине неведомы ощущения бесправного и угнетенного недосуществования, которым якобы чувствует себя женщина на протяжении жизни.

Елисей хмыкнул, чтобы резко не выразиться.

— Некоторые радикальные феминистки ненавидят маникюр, юбки, бюстгалтеры и любые собственные неудачи объясняют через гендер, — сказала Настя.

— Если мой вопрос покажется нескромным, ты вправе разбить о мою голову бокал, — произнес Елисей. — К какому направлению себя относишь ты?

Настя, прищурившись, приподняла бокал над столом, взвесила в руке и опустила обратно.

— К анархо-феминизму. Я тоже за кардинальную перестройку общества, но по экономическому принципу, а не по радфемовской модели. Меня раздражают развязные

мужланы и книги с идиотскими названиями вроде «Женщина как социокультурный продукт», и в то же время я понимаю, что дремучие патриархальные нравы и неравенство зарплат — это далеко не все ущербные стороны современной цивилизации.

Пока Елисей осмыслял услышанное, Настя поблагодарила за пиво и сообщила, что ей пора.

— Мне надо морально подготовиться ко сну, — пояснила она. — Тяжело засыпаю на новом месте. Настоящая головная боль.

— Лучшее средство от головной боли — напряженная интеллектуальная работа, — заверил Елисей. — Например, игра в крестики-нолики с воображаемым врагом. Подсчет овец также годится.

Ему не хотелось отпускать Настю. Он восхищался девушками, которые, будучи красивыми и умными, не выставляют напоказ свои преимущества и не напрашиваются на симпатию.

— Когда заметка о стауте будет готова, я могу отметить тебя в публикации, — предложил он. — Ты ведь подписана на мой блог в «Инстаграме»?

— Я оттуда удалилась. Лучше прочитаю заметку на «Крафт депо».

— Упомянуть тебя в ней?

— Не стоит.

Внутри Елисея как будто застрял лифт, с грохотом и скрежетом.

— Тогда с моей стороны будет преступным не соблюсти правила этикета и не предложить тебе еще одну дегустацию. Само собой, никаких сидров, сладких элей и молока в составе.

— Почему бы и нет?

Она произнесла это непринужденно, без вежливой сухости и без церемонной улыбки. Лифт снова поехал.

— Тогда так же, через неделю, в пятницу?

— Я за. В восемнадцать. Или в девятнадцать. Если тебе удобно.

— В восемнадцать! — воскликнул он и с трудом удержался от неуместного «спасибо».

Они договорились, что Настя добавит его в друзья «ВКонтакте», и попрощались у бара.

Елисей твердо решил не оборачиваться. Оглянешься — пропадешь. Оглядка — растерянность, сбой, навязчивый морок. У него забор забот и еще тысяча причин не оглядываться.

Когда Елисей все-таки повернулся, Настя уже исчезла за углом.

Интерлюдия «Испытание пеплом»

Над проектом трудились лучшие умы крафтового цеха, Платоны и Аристотели от философии пива. Запершись в секретном бункере под ничем не примечательной железнодорожной станцией, они сутками напролет ставили опыты над водой и над огнем, над сахаром и над солодом, варили и коптили, ломали копья в кровавых диспутах и жгли торф, любовно собранный отважными мелиораторами на галлюциногенных болотах. Когда драгоценный напиток был готов, первый бокал поднесли дежурному на станции. Вглядевшись в таинственное варево цвета дегтярной эмульсии, дежурный храбро отхлебнул.

Волна жженого оцепенения окатила его с ног до головы, точно поток фотонов обрушился на сетчатку. В эпицентре всё испарилось. Стекла лопнули так же бесшумно и стремительно, как и рассыпались стены. Площадь с ратушей и памятником старому вождю песочным вихрем взмыла в воздух. Солнце вымахнуло из-за горизонта и, осветив все, растворилось в янтарном небе. Следом на месте солнца проступило зловещее клубообразное Нечто. Оно походило на гигантский обугленный гриб и на сумрачное дерево с полыхающей кроной, на абажур, подсвеченный лампой накаливания,

и на обезумевшего джинна, высвобожденного из бутылки. Казалось, субстанция, преодолев все диалектические противоречия, вырвалась из замкнутой цепи самопорождений и перед уничтожением себя обрела, наконец, завершенную форму, одновременно сверхъестественную и зримую, губительную и притягательную. Словно в насмешку над мирозданием, над зловещим Нечто вырос пламенный нимб, санкционирующий это разрушение из разрушений, безумие из безумий.

Дежурный по станции, по-прежнему обездвиженный, с героическим мужеством вкушал остатки безумия. Нераспавшиеся изотопы и радиоактивный пепел. Ионизирующее излучение и сейсмические колебания. Зараженные облака, плывущие в соседние земли, и электромагнитный импульс, несущийся по линиям электропередач. Выведенные из строя компьютеры и стертые данные. Экоцид и гуманитарную катастрофу. Уставшая от беспрестанного обновления субстанция не покончила с собой, хотя и продвинулась в своих попытках еще дальше.

Настя

На репетиторском сайте она перевела анкету из родной Самары в Элнет Энер. Дома она преподавала школьникам историю и обществознание и рассчитывала в новом городе зарабатывать так же. Не у мамы же просить. Накопленные за три года положительные отзывы и высокий рейтинг анкеты позволяли надеяться, что заказы не заставят себя ждать.

Так и случилось. Насте предложили заявку. Клиент: Елизавета Андреевна. Ученик: Григорий, 9 класс. Цель: подготовка к ОГЭ. Средняя оценка: 4?. Ставка: 1000 рублей / 90 минут.

Елизавета Андреевна по телефону сообщила, что они желали бы заниматься дважды в неделю, в будни и выходные. Гриша — мальчик ленивый, но способный. Иногда конфликтный, но воспитанный. Позитивный и коммуникабельный. В будущем он пойдет по юридической линии, поэтому обществознание и историю надо подтягивать уже сейчас. Со старыми педагогами ему скучно, и родители принципиально ищут молодого, который умеет увлечь и донести знания в доступной форме.

— Познакомьтесь, подружитесь, — сказала Елизавета Андреевна. — У вас, молодых, и подход актуальный, и методика эффективная. Сами понимаете, учителя советской закалки не тянут современные требования, да и подружиться с ними проблематично.

Настя вообразила себе обеспеченного отпрыска, почему-то рыжеволосого и конопатого, в меру развращенного и избалованного. Ей, в общем-то, все равно, с кем заниматься: с мальчиками, с девочками, с шестым классом, с одиннадцатым, с богатыми клиентами или не очень. Как показывала практика, степень порядочности не зависела от достатка в семье. Никогда не угадаешь, где нарвешься на грубость — в билетной кассе пригородного вокзала или на званом ужине у ректора.

Порой Настя стеснялась своей работы, оттого что в чужих глазах репетиторство представляло чем-то легковесным, непостоянным, лишенным того ореола мужественности и будничного героизма, которые окутывали фигуру школьного учителя, чей голос охрип от многолетнего искоренения невежества и чьи подушечки пальцев иссохли от скрипучего мела. Если учителя воспринимали как агента просвещения, то репетитор, подобно домашним кондитерам и установщикам пиратских программ для «Windows», приравнивался к безликим зашибателям деньги. Из-за этого Настя называла себя не репетитором, а преподавателем.

Ученик Гриша проживал в элитном микрорайоне у реки. Исполинский дом выходил окнами на роскошную набережную, а затемненные стеклянные панели неизвестного назначения, облепившие песчаного цвета фасад, напоминали солнечные батареи. Начиная с калитки, Настя не уставала изумляться, до чего здесь все избыточно: огороженный высоким забором двор, отделанный плиткой изумрудного

цвета фонтан, консержка в синей, как у проводников, униформе, четыре лифта на подъезд, кулер с артезианской водой на первом этаже, пышные цветы в горшках. Настя оценила бы великолепие, организуй его жители своими силами, однако, будучи навязанным жилищной компанией в довесок к коммунальным услугам, весь этот шик казался чуждым, как будто приклеенный к подарочной открытке ценник.

На пороге Настю вместо Елизаветы Андреевны встретил ее муж Сергей. На лице его блуждала труднообъяснимая улыбка. По развитой мускулатуре, по стрижке с выбритыми боками, по приталенной белой рубашке и модным джинсам, подпоясанным брендовым ремнем, чувствовалось, что он борется с годами, хотя выпуклый живот и приметные морщины наглядно демонстрировали, кто побеждает в битве. Сведенные плечи, согнутые словно под бременем богатства, делали Сергея похожим на сутулого мясистого бульдога. Насте почудилось, что она этого типа где-то видела. Или кого-то наподобие него, тоже с эспаньолкой.

— Учиться? — поинтересовался Сергей.

— В магистратуре.

— Сами отсюда?

— Из Самары.

— Как вам наш город?

— Пока осваиваюсь.

Настя мимоходом отмечала для себя убранство прихожей. Паркетная доска, ковровые дорожки, семейные фотографии в рамках. Декоративную ветку оседлало чучело тетерева — бородатого черного красавца со сложенными крыльями и с распушенным хвостом. Тетерев словно замер со вздернутыми красными бровями. Настя поехала.

— Как будто сейчас вспорхнет и улетит, — рассмеялся Сергей и обратился к чучелу: — Нет, птичка, ты от нас никуда не улетишь.

Настя безмолвно ждала, пока ее проводят к ученику.

— Жаль, конечно, что вы не из Элнет Энера, — сказал Сергей. — В магистратуре ведь два курса обучения?

— Все верно, два.

— Мы планировали три года заниматься, до окончания одиннадцатого класса. Так-то у нас на примете был преподаватель — профессор гражданского права из Беледышского университета, мой хороший знакомый. Не срослось, и жена настояла на молодом репетиторе.

— Если мы поладим, то никаких сложностей с продолжением занятий не возникнет, — произнесла Настя. — Не факт, что я через два года вернусь в Самару. Кроме того, есть вариант со скайпом. Тоже удобная форма обучения, сейчас педагоги ее активно практикуют.

— По сути, да, — согласился Сергей. — Главное — найти контакт, понравиться друг другу.

Настя не возразила, хотя перспектива понравиться избалованному сыну мажора, увлеченного таксидермией, ее не прельщала.

По пути в комнату Гриши в дверном проеме мелькнул бильярдный стол.

Когда Настя и Сергей вошли в одну из многочисленных комнат, отпрыск, восседавший на крутящемся офисном кресле за белым письменным столом, нехотя обернулся и поздоровался. Настя заняла уготованный ей табурет. Жесткий и вдобавок низковатый, ну да ладно.

— Зовите, если что-то понадобится, — велел Сергей, затворяя за собой дверь.

Обычно при знакомстве ученики встречали Настю у порога. Гриша, худощавый подросток с безразличной миной, не искал расположения и не стремился произвести впечатление любителя истории и обществознания. Для урока он заготовил тоненькую тетрадку и черную ручку, а на здоровенном игровом мониторе застыл на паузе неизвестный Насте фильм. Стол загромождали учебники, тетрадные обложки, беспроводные наушники, восьмой айфон.

— Компьютер лучше выключить, чтобы не отвлекал.

Гриша свернул проигрыватель и перевел систему в спящий режим.

Чтобы оценить знания нового ученика, Настя традиционно задавала ему ряд произвольных вопросов из всего школьного курса. Каковы причины Великой Отечественной войны? Какая партия захватила власть во время Октябрьской революции? Когда правил Ярослав Мудрый? Что такое феодализм? Какие сословия существовали в XIX веке? Чего добивались декабристы? Кто такой Емельян Пугачёв? Борис Ельцин? Павел Нахимов? Елизавета Петровна? Настя не добивалась точных ответов, а следила за течением мысли и за умением переключаться от общего к частному и наоборот.

Гриша ориентировался в школьном курсе весьма приблизительно. Он отличал князя Владимира от Екатерины Второй, Суворова от Жукова, Ленина от Сталина, но Екатерина Первая, Брусилов и Троцкий в его картину мира не помещались. История в голове ученика не принимала линейную, циклическую или спиралевидную форму, а расплывалась на аморфные сгустки мифологем и идеологем: поганые монголо-татары уничтожали посевы и резали детей, Пётр Первый под страхом смерти принуждал брить бороды, одноглазый старик Кутузов дальновидно жег Москву и путал все карты французам, избежавшие виселицы декабристы махали кирками в Сибири, Сталин хладнокровно казнил десятки миллионов людей, советские солдатами радостно били из «Катюш» фашистскую нечисть.

— Тебе сколько лет? — спросил вдруг Гриша.

— Мы с тобой на «вы», — напомнила Настя.

— Сколько лет вам?

— Двадцать один.

— А вы еще учитесь?

— Учеба — понятие растяжимое, — сказала Настя и улыбнулась. — Великие люди вроде Ньютона и Эйнштейна учатся всю сознательную жизнь. Если же ты имеешь в виду получение образования, то я окончила четыре курса и теперь штурмую магистратуру. Но нам стоит вернуться к занятию. Как ты объясняешь для себя такой термин, как «общество»?

Гриша вздохнул, словно к нему обратились с непомерной просьбой.

— Группа людей.

— Что объединяет этих людей в группу?

— Ну, социум.

— Так, а что в таком случае называется социумом?

— Единство.

— Гриша, мы крутимся вокруг одного и того же. «Общество», «социум», «единство» — это родственные понятия, но они не позволяют вникнуть в суть дела. Мы будто скользим по поверхности.

— Не понимаю, что вы от меня хотите.

Настя извлекла на свет последние запасы дружелюбия.

— Я не жду от тебя конкретного ответа, потому что единственного определения общества, раз и навсегда зафиксированного в словарях, просто-напросто нет.

— Тогда почему я должен найти это единственное определение, если его нет?

— Я не требую найти единственное определение. Есть множество критериев, из которых и складывается упомянутое тобой единство: территория, язык, система ценностей, социальное положение, средства производства. Можно назвать эти критерии строительной смесью, скрепляющей отдельных личностей в социум. Понимаешь?

— Допустим.

Настю задело это высокомерное «допустим».

— Мне не очень нравится твой подход к занятию.

— Мне тоже, — сказал Гриша. — Я думал, что мы термины и даты начнем записывать, тетрадь вот приготовил.

У Насти задрожали губы. Тетрадь он тонюсенькую приготовил, одолжение сделал.

— С другим преподавателем и запишешь, — заключила она и направилась к выходу.

Хватит с нее унижений. Сперва ей сообщают, что ее, как дублера, взяли на замену профессору гражданского права, затем сажают на табуретку для прислуги, а в конце концов принуждают распинаться для убожания господского сынка, имеющего свои виды на учебный процесс. И за две тысячи в неделю она якобы обязывается водить дружбу с таксидермической семейкой. Размечтались.

В коридоре Настя едва не уткнулась в Гришиного отца. Он взирал на нее с недоумением.

— Мы заниматься не будем, — сказала она.

— Что так?

— Не подружались.

Настя обогнула Сергея и услышала в спину:

— Девушка! То есть как вас... Анастасия Евгеньевна! Потрудитесь объяснить, в чем дело.

— Пусть Гриша объяснить. А я не хочу, чтобы ко мне относились как к сырью какому-то.

— Что за снобизм?

Настя не ответила. Разобравшись с первого раза с хитроумным дверным замком, она шмыгнула за порог.

Она назвал ее девушкой!

Ну да, раз она девушка, от нее многого не ждут. Пусть, стало быть, не выживается и не жалуется, раз ее угораздило родиться гендерно неполноценной.

Мало кому в голову приходило, что женщина способна изобрести двигатель или хотя бы самовар. Нет, снисходительно замечали они, ее удел — вдохновлять, следовать рядом и быть осыпанной за это горой однотипных комплиментов.

Теперь еще и приравнивали к снобизму нежелание сливаться с ландшафтом.

Ни разу не оглянувшись, Настя покинула мажорный дом и шмыгнула за калитку. Хоть принципы и удалось отстоять, вместо восторга обретенной свободы Настя чувствовала горечь и злобу. Она не высказала Сергею и его заносчивому отпрыску всего, что о них думает.

Лишь огрызнулась, точно моська какая-нибудь.

Настя тряслась в ржавом трамвае и слушала в наушниках голоса птиц. Когда трамвай проезжал мимо парка, солнце мелькало между ветками лип и кленов. Как будто скачки напряжения.

Сергей

Он сразу узнал ее.

Сначала она растянула маленький бокал эля, а затем к ней подрулил незнакомый парень. Они угадывали имена друг друга и обсуждали «Инстаграм». Молодежь как она есть: легко сходится, легко заводится.

Анастасия с первого взгляда ему не понравилась. Гордячка с кусачими взглядами. Колючая и слабонервная. А уж как она отреагировала на шутку с тетеревом. Хрипонин поставил бы цистерну траппистского пива на то, что эта особа сочла обитателей дома купающимися в роскоши живодерами. Типичная позиция рабов: завидовать чужой жизни и думать, что свою обустроили бы лучше, не будь они стеснены в средствах.

Жаль, правда, что Анастасия застала его в баре с Ксенией. Не ровен час, припишет ему, помимо прочих грехов, свидания на стороне.

— Она забросала меня вопросами, а потом вскочила и убежала, — сказал Гриша.

— Какими именно вопросами?

— Разными. Про Петра Первого, про СССР.

— И внезапно прервала занятие?

— Она спросила меня: «Что такое общество?» Я ей ответил: «Единство людей». Она такая: «Неправильно». Я говорю: «Нас так на уроках учили». Она снова: «Неправильно, значит, учили». Я запутался и уточнил: «Что вы хотите от меня услышать?» Она мне: «Ничего не хочу услышать, мне определения из учебника не нужны». Как я ей другое определение дам, если мы только по учебнику в школе и занимались?

— Хм.

— Я специально для нее приготовил тетрадь, чтобы термины и даты записывать, а она мне заявила: «Ищи тогда новых репетиторов и показывай свою тетрадь им».

Сергей понимал, что слова сына, как лица заинтересованного, стоит делить как минимум на три. Но даже если допустить, что Гриша преувеличил степень неадекватности Анастасии, то в сухом остатке все равно налицо ее тотальное дилетантство. Словно месячные в башку ударили. Это же позорище. Репетитора, который ведет себя как психованный, к детям подпускать нельзя.

Лиза тоже хороша. Нанимает девушек, и расхлебывай за ней. Женщины то, женщины это, женщины более ответственные. Будь вместо Анастасии парень, Сергей разобрался бы с ним. Позвал бы в кухню на профилактическую беседу за чашкой чая, научил бы манерам — аккуратно и вежливо. Расстались бы красиво, без этих показных жестов.

— Заметь, сынок, она вдобавок и приезжая. Казалось бы, деталь мелкая, но значимая.

— Почему это важно?

— Эта деталь сообщает кое-что о характере человека. Тот, кто скитается, обыкновенно нетерпелив по натуре. Он мечется из края в край, из крайности в крайность, приценивается, примеряется, прикидывает. Он неспособен определить, что ему дорого, а что нет. Слышал пословицу: «Не место красит человека, а человек — место»?

Гриша потупил глаза.

— Слышал.

— Она как раз об этом. Тот, кто мотается с места на место, ищет, где бы его повкусней и поласковой встретили. Где можно меньше работать и больше получать. От таких ни благодарности не дождешься, ни элементарной надежности. Помнишь ведь, что случилось с Римской империей?

— Она рухнула?

— Ее погубили легионеры. А легионер — это не кто иной, как наемник, гастарбайтер. Вот тебе урок истории и обществензнания в одном флаконе.

Хрипонин почувствовал, что прошелся по Анастасии чересчур голословно, и поспешил подкрепить выводы:

— Разумеется, переезжают по разным причинам. Кто мигрирует из-за войны, кто перебирается из обнищавшей деревни в город ради лучшей доли. Я такие примеры не беру. Я о таких скитальцах, что без царя в башке. Как эта самая Анастасия Евгеньевна. Я еще в коридоре перед вашим занятием спросил у нее, откуда она. Так и так, отвечает, из Самары, в магистратуру у вас поступила. А дальше что? Она и не знает, что дальше. Вернется в родной город, не вернется, зачем учиться, для кого — никакой ясности в голове. Нет ценностей. Зато претензий вагон.

Гриша вроде как приободрился. Хрипонин гордился тем, что сумел перевести досадный эпизод в мудрое наставление сыну. По сути, в этом и кроется искусство управленца — без лишнего шума потушить пожар, попутно вынеся из него житейский опыт и укрепив собственную репутацию.

Единственный просчет Сергея состоял в том, что Анастасия видела его в «Рекурсии» с Ксенией. Не просчет даже, а невезение. Пригласил, называется, администратора на бокал ламбика — обсудить грядущий крафтовый фест и послушать горячую проповедь. Почти служебный диалог, ничего криминального или распутного.

Не исключено, конечно, что эта психованная подумает, будто Сергей проводил

пятничный вечер с женой. Добро, если так. Кто-то смотрит сериал, кто-то навещает родственников, кто-то культурно пьет пиво в баре.

* * *

Лиза приехала из цветочного салона утомленной, но довольной. Она заключила сделку, по которой обязалась обеспечить букетами пышную свадьбу на двести человек. Жених продает холодильное оборудование, невеста ведет популярный блог о здоровых отношениях, родители с обеих сторон состоятельные, медовый месяц на Доминикане — все эти бесполезные подробности Хрипонин вынес со стоическим спокойствием, позволив жене выговориться и заслуженно похвастать успехами за чашкой кофе.

— Как там Гришин репетитор? — наконец поинтересовалась Лиза.

— А-а, репетитор, — протянул Сергей. — Я в шоке, мягко говоря. Точно петарда в кулаке взорвалась.

Он перечислил события вечера, не преминув отметить, какой многоуважаемая Анастасия Евгеньевна оказалась импульсивной, взвинченной, заполошной и некомпетентной.

— Поторопились мы через сайт специалиста нанимать, — закончил Хрипонин.

— Имеешь в виду, я поторопилась?

— Если только очень тонко намекаю.

— Ну-ну, мистер тонкий намекатель. Сбавь-ка обороты. Я сегодня добрая, но это не значит, что ты можешь вешать на меня любые обвинения.

Хрипонин коснулся пальцами руки жены и провел извилистую линию от запястья до локтя. Лиза, не шевельнувшись, с холодным любопытством проследила за нанесением незримой метки по ее коже.

— Экзамены эти, — пробормотал Сергей. — ОГЭ, ЕГЭ, баллы, шмаллы. Вернули бы нормальные вступительные испытания. Вместо этой нервотрепки. Эксперименты бесконечные, усложнения, инициативы одна глупее другой. Сканеры, камеры. Не удивлюсь, если школьники с высокими результатами будут дополнительно анализы на допинг сдавать.

Пальцы осторожно, задерживаясь на крохотных родинках, поползли вверх, к плечу.

— Увидишь, так и сделают, — продолжил Сергей. — Помимо детей, и нас начнут проверять. На Западе в тестовом режиме уже ввели экзамен на родительские права.

— Это где?

— То ли в Германии, то ли в Дании.

Лиза аккуратно ухватила пальцы Сергея, закопавшиеся под бретельку черного лифчика, и убрала их с ключицы.

— Ты прав, на сайте нет смысла репетитора искать.

— Да и молодым я не то чтобы доверяю.

— Чересчур возрастные мне тоже не нравятся. Они такие же капризные и вспыльчивые. Кроме того, детям с ними скучно... — Лиза задумалась. — Слушай, а давай ты поднимешь свои связи и разведешь, где найти толкового преподавателя. Опытного, но гибкого. Не такого, который зарыл нос в конспекты из прошлого тысячелетия.

— Попробую.

— Отлично. А я напишу отзыв на Анастасию Евгеньевну. Эх, кто же знал, что все так обернется.

Сказав это, Лиза ополоснула под краном чашку из-под капучино и упорхнула из кухни. Хрипониным отнюдь не в первый раз овладело ощущение, что им насладились, причем за его счет. Сначала дерганая магистрантка выпустила на него пар, как на какого-нибудь автослесаря или починщика сумок, а теперь вот жена умыла руки после собственной осечки и честь по чести снарядила его в миссию. И если Сергей с ней не справится на пятерку, то припоминать ему будут долго.

Пока Лиза составляла отзыв, Хрипонин приготовил на троих карбонару с ветчиной и беконом по любимому рецепту: на кокосовом масле и чтобы спагетти утопали в сливках и сыре. Кулинарную струнку у себя Сергей обнаружил в те времена, когда подросла Стелла и отпала потребность в няне. Лиза настояла на отказе от домработницы, мотивируя это нежеланием подпускать кого-либо к тесному семейному кругу на расстояние оклика из соседней комнаты, а компромиссные перекусы из жареных яиц и гречневой каши, столь привлекательные в аскетичные студенческие годы, потеряли романтический шарм. Хрипонин, все активней интересующийся фермерской едой с маркером «экологично», обретал черты рачительного и благодушного хозяина, который, красуясь перед воображаемыми телезрителями фартуком в шотландскую клетку, колдовал за плитой с гарнирной лопаткой в одной руке и прихваткой в форме рождественской рукавицы в другой.

Перед ужином Лиза сунула Сергею планшет с текстом:

К сожалению, Анастасия Евгеньевна не произвела впечатление человека, готового к работе с детьми. Ей присущи эмоциональная незрелость, отсутствие выдержки, слабое знание предмета. Она не умеет мотивировать ребенка и доносить до него свою мысль. Анастасия Евгеньевна, не справившись с добровольно взятыми на себя обязанностями, убежала с первого же занятия, а на просьбу объяснить свои действия посоветовала нам искать другого специалиста.

— Выслала на модерацию, — сказала Лиза.

— Не слишком сурово? — усомнился Сергей.

— По-моему, объективно. Самое странное, что до моей оценки на сайте висело уже четыре отзыва — сплошь положительные.

— Может быть, подставные.

— Не исключено. Сейчас столько способов накрутить себе рейтинг...

Лиза положила планшет на холодильник.

— Страсть как проголодалась.

— Тогда зови Гришу. Я накладываю.

После ужина Хрипонин забрался с ноутбуком в гостевую спальню и, триумфально стряхнув с ног тапки, завалился на двуспальную кровать. Перед глазами пронеслись образы подростков из американских фильмов, возлежащих на постели в кроссовках или кедах, пока родители не видят. Вот дураки, это же неудобно.

Сергея не оставляло ощущение, будто жена высказалась по Анастасии излишне жестко и однобоко. Он вбил в поисковик «ВКонтакте» имя и фамилию. Среди четырех с половиной тысяч Анастасий Тимофеевых в Самаре числились восемьдесят три. Та самая пряталась под аватаркой с мультипликационным оленем во втором десятке.

Так-так-так. Минимум личной информации и всего шесть фото. На каждом из них лицо у нее серьезное, если не понурое, как будто ей запрещено улыбаться. В подписках тематические группы о малых и исчезающих народностях, о мировой и российской истории, о веганстве, об антикапиталистическом движении и, куда без этого, паблики с феминистическим вздором. Борьба, значит, за обездоленных и бесправных. Полный набор штампов для заклятых идеалистов с неустроенной личной жизнью.

Ткнув по случайной ссылке, Сергей прочел закрепленный на верхушке пост:

Сначала мужчины тысячелетиями удерживают в руках средства производства, а затем хвастаются тем, что все изобретения и открытия принадлежат им.

Хрипонин от души посмеялся. Да, он такой. Он добыл огонь и спустился в шахту за алмазами. Он оседлал коня и пришвартовался к берегам Америки по пути в Индию. Он поборол оспу и поднял в небо самолет, выдумал нотную запись и передал привет из космоса, сконструировал полку для обуви и одарил домохозяйку блендером.

Цельсий и Фаренгейт, Эдисон и Тесла — это все он. Он изобрел все, включая бумагу, каблуки, сепаратор, консервную банку, шприц для подкожных инъекций, вешалку, радио и самовар. Так что не мотайся под ногами, Анастасия Евгеньевна, и иди вари борщ, который, надо полагать, тоже изобрел мужчина. Притом настолько скромный, что постеснялся патентовать свое детище.

Когда смех иссяк, Сергей в очередной раз обеспокоился женским наступлением, беспримечным по своей наглости. Ядовитая идеология под видом жвачки для мозгов расплзлась по сети и вторгалась в неокрепшие умы почище нацистской пропаганды. Не экологическая катастрофа, не ядерная опасность, не нашествие варваров-мигрантов — вот настоящая угроза для человечества, какой бы абсурдный или унылый облик она ни принимала. Еще поколение-два, и растерявшие остатки достоинства мальчики в унисексе будут по стенке ходить, дабы их не уличили в оскорбительном поведении.

Самое страшное, что Стелла также подпала под демоническое обаяние псевдоосвободительной псевдофилософии феминисток. Хрипонин с тревогой ждал возвращения дочери из лагеря. Стелла слала приветы и с гордостью сообщала, что выучила две сотни слов на английском. Cough, sneeze, bruise, headache, классно, правда?

Елисей

Петербург между тем не отпускал. Алкал внимания, поклонения, жертв. Ревнивый до неприличия, город напористо помещал себя в центр помыслов и устремлений Елисея, оттесняя на периферию прочие локации и означающие.

Его внезапный отъезд никого в восторг не привел. Сначала позвонил оповещенный в числе последних научрук, чье недоумение прямо по ходу длинного монолога переросло в кипучее недовольство. Следом написала настроенная мирно Лена, которая нашла через знакомых чудо-лора из Бурятии, принимающего на Озерках по вторникам и четвергам. Убедительней всех действовал деканат: там потребовали утрясти заключительные формальности с отчислением и расставить нужные подписи. Елисей по телефону едва ли не клялся, что ни одной живой душе не обмолвится, если в университете подделают его почерк, но безликий бюрократический аппарат настоял на личном присутствии.

Перебросив через плечо вещмешок с бутербродами, Елисей на рассвете во вторник ступил на трассу — все так же пытаться счастья с попутками. Голодный и остервенелый, в среду он влетел в деканат Института наук о Земле за двадцать минут до закрытия и объявил, что берет всех в заложники до тех пор, пока ему не поднесут бумаги на подпись.

— Променяли магистратуру на блогерство? — пошутила секретарша.

— С особым цинизмом, — ответил Елисей, размашисто выводя фамилию под очередным документом.

Перспектива возвращаться в Элнет Энер автостопом пугала и отвращала. Во-первых, надо успеть на барную дегустацию с Настей в пятницу вечером. Во-вторых, Елисей не чувствовал себя настолько юным, чтобы, вверив себя дорожной стихии, тащиться по обочине с бодрой песенкой на устах и искать милости у каждого попутного автомобиля. Елисей не мыслил себя вне России, однако после десятка бесперывных перемещений из одного пассажирского сиденья в другое мечтал хотя бы день побыть бельгийцем или люксембуржцем.

Незадачливого путника в Петербурге приютила на ночь одиозная Вика. Она запекла на ужин картошку под сыром и выволокла на кухню ортопедический матрас.

— Ты будто настоящий кочевник, — сказала Вика.

— Надо будет доложить Секацкому, — отозвался Елисей. — Пускай Александр Куприянович включит меня в номадический дискурс.

— Ты считаешь километры, как остальные автостопщики?

— Перестал считать, когда перевалило за десять тысяч. Антона Кротова мне все равно не обогнать, да и не вижу особой доблести в том, чтобы состязаться за бесполезные цифры и брать символические рубежи. Покой и свобода от болячек — вот и все, чего я желаю. Лежать под одеялом и не знать голода, жажды и будильника. Как мертвый, но живой.

Простившись с Викой на следующее утро, Елисей двинулся на остановку междугородних рейсовых автобусов. Полулегальные частники на газельках и пазиках, оснащенных телевизорами и старыми кондиционерами, предлагали относительно дешевые и в меру сердитые маршруты для тех, кто экономил на поездах и самолетах. Пришлось оторвать от сердца две тысячи рублей за возможность целые сутки, прижавшись виском к окну, ни с кем не говорить и никого не слушать. Помятый и заспанный, Елисей в пятницу едва ли не на четвереньках выполз из автобуса на привокзальной площади Элнет Энера и, размяв одеревеневшие ноги и спину, побрел к Матвею — приводить себя в порядок перед встречей с Настей.

Глядя единственную свою рубашку, Елисей прокручивал в голове сценарии грядущих диалогов. При лучшем развитии событий они с Настей беззаботно болтали обо всем подряд, то и дело с изумлением обнаруживая точки пересечения и дополняя слова друг друга. При худшем Настя заводила специфический интеллектуальный разговор, который Елисей мог поддержать разве что общими фразами. Он смыслить не смыслил ничего в феминизме, этнографии или рабочем движении, а Настю, как и любую девушку, вряд ли заинтересовали бы нудные армейские истории про пение гимна каждым утром, бесконечные фотоотчеты и недели боевой готовности. Пока Елисей жил в Петербурге, он время от времени выбирался на публичные лекции по философии и психоанализу, бессистемно посещал выступления Секацкого и Смулянского, однако не умел с уверенностью отличить Расина от Рансьера, а фаллическую фазу от генитальной.

* * *

Хотя Елисей добрался до «Рекурсии» заранее, Настя уже ждала его у входа. На ней был не броский, но практичный наряд из теплой васильковой блузки с длинными рукавами, черных брюк и джинсовых кед. Человековед внутри Елисея с осторожностью отметил, что Настя не исключает прогулку после бара.

Они заняли свободный столик.

— Несладкое и без молока? — уточнил Елисей.

— Ты чуткий. Спасибо.

Усатый бармен с крашеными в жгучий блонд волосами и бровями встретил блогера как родного и порекомендовал экспериментальный индийского пейл-эль «Колыма Inn». В роли искорки выступал растертый в порошок черный чай, добавленный в пиво при сухом охмелении и внесший во вкусовую палитру терпкие и вяжущие чифирные нотки. Бармен объяснил, что эль раскроется ярче и полней, если пить его в торжественной задумчивости, поминая политзаключенных, в сталинские годы без вины мотавших сроки за колючей проволокой на территории вечной мерзлоты. Елисей, предвкушая веселье, взял колымское пиво для Насти, а себе купил апельсиновый сок.

— Кажется, я догадываюсь, какой будет следующая заметка, — сказала Настя. — В ней ты напишешь о лагерных издевательствах и сборе стланика.

— Придется напрячь фантазию, чтобы тебя удивить, — сказал Елисей. — Кто тебе ближе, Солженицын или Шаламов?

— Шаламов.

— Аналогично.

Они чокнулись.

— Напоминает красное вино с избытком танинов. Что-то вроде молодого каберне, где дубовая бочка подавляет остальные оттенки, — произнесла Настя и заслонила рот рукой. — Ой, прости, я же не должна делиться ощущениями.

— Все в порядке. Расскажи лучше, почему у тебя пунктик против сладкого пива. Я понимаю, когда многие парни, которые мнят себя суровыми мужланами, презрительно отзываются о сидре и о фруктовых ламбиках. Мачисты полагают себя выше всего этого баловства. Но в чем твой резон?

— Это принципиальный вопрос.

— Почему?

Настя задумалась.

— Причина, разумеется, не в том, что один вкус более солидный и благородный, чем другой. И уж тем более не в моей зависти к гендерно привилегированной половине человечества. Я считаю, что сладкое пиво — это такое же лукавство, как очки виртуальной реальности или детский шампунь без слез. Тот, кто пьянеет, злоупотребляет свободой и добровольно отдает себя во власть рефлексов и инстинктов. Иначе говоря, это совсем не весело и ничуть не сладко. Опыение — это процесс, пусть и обратимый, интеллектуального и нравственного падения на дно колодца, из которого ты будешь выбираться без посторонней помощи, карабкаясь по шершавым стенкам и стачивая ногти. Я за то, чтобы падение было жестким, как аварийная посадка в тайге, и горьким, как действительность в классовом обществе. Поэтому я предпочту индийский пейл-эль клубничному сидру.

— Убедительно, — согласился Елисей.

— Кстати, я гуглила твои публикации. Прочла прошлогодний цикл статей о культуре питья на «Ноже».

— О да, веселое время! Тогда в анкетах я называл себя писателем, пил в три горла первосортный крафт и думал, что фарингит — это не про меня.

— По-прежнему никаких подвижек со здоровьем?

— Абсолютно никаких. Глотка раздражена, будто кошка исцарапала изнутри. Вдобавок стоит набрать воздуха в легкие, как их тут же рвет на части кашель.

Чтобы подтвердить, Елисей глубоко вдохнул и затрясся в приступе кашля.

— Я не специалист, но проблемы с горлом могут возникнуть из-за рефлюкса, — предположила Настя. — Это заброс желчи из пищевода.

— Мне лор уже советовал обратиться к гастроэнтерологу, — сказал Елисей.

— Прости, что лезу с рекомендациями.

— Да ерунда.

— Правда. Сама не выношу советов, о которых легко догадаться.

— Все в порядке. Ты много извиняешься, и меня это смущает. Что до рефлюкса, то спасибо за напоминание. Мне давно пора сделать ФГДС и провести биопсию желудочных тканей. Эта неделя выдалась суматошной, а вот со следующей я примусь за обследование своего бедового тела. Слово блогера.

Настя улыбнулась и кивнула. Елисей залюбовался ею. Ее тонкие брови, безусловно, что-то сообщали о ее характере, равно как и прелестный вздернутый нос, и аккуратный вертикальный подбородок без ямочки, и изящная щербинка между передними верхними зубами, однако Елисею вовсе не хотелось наделять это геометрическое совершенство тайными смыслами. Гладкость Настиной кожи оценили бы по достоинству и фэшн-фотографы, перевидавшие на пленочно-цифровом веку тысячи моделей, а приглушенно-розовая помада подчеркивала мягкость черт лица. Оно выражало отрешенность, но не ту твердокаменную отрешенность на физии отчужденного индивида, которому в крохотное окошко суют бумажку на печать, а ту лучистую меланхоличную отрешенность, что родственна одухотворенным натурам и которая предшествует озарениям мысли.

Когда в баре заиграли «Franz Ferdinand», оливковые глаза Насти потеплели.

— «The Fallen»! — воскликнула она. — Вариация на тему «Что, если бы Иисус сегодня вернулся в наш мир?» Ничего оригинального, но задорно.

— Up now and get them, boy, — повторил Елисей вслед за вокалистом. — Задорно, ты права.

— Ты и текст знаешь?

— Не целиком. Вот у «Wonderwall» текст полностью знаю.

— «Wonderwall» все знают. Это как «Районы-кварталы» или гимн России.

— Выпьем за этот потрясающий ассоциативный ряд.

Они снова чокнулись.

— Давай я научу тебя одному трюку, — сказал Елисей.

Он бережно взял у Насти бокал, пытаясь во избежание неловкости не коснуться ее подушечек пальцев, и хорошенько звякнул по нему своим стаканом с соком. Со дна пивного бокала наверх ринулась стайка пузырьков.

— Эффектней всего такой фокус проворачивать с лагером, — прокомментировал Елисей. — Ну и, само собой, рассчитывать силу, чтобы не разбить посуду.

— Здорово!

— Не экскурс в теорию феминизма, но я старался.

— Не скромничай. Это выглядело так, словно пивной гуру посвятил неофитку в один из секретов.

— Тогда раскрою еще парочку. — Елисей покрутил круглую картонную подставку под пиво, гадая, чем бы удивить Настю. — Ты когда-нибудь делала пивные коктейли?

— Ни разу.

— Обязательно попробуй. Это полигон для испытаний. Можно, например, заполнить треть бокала соком черной или красной смородины, а сверху залить крепким темным элем. Получится кислая и тягучая смесь, что-то вроде творческого союза между русской дачной культурой и вековыми традициями бельгийских пивоваров.

— Кажется, с такого ракурса бабушкин урожай я еще не рассматривала!

— Или вот еще рецепт, называется «Ирландская бомба». Ингредиенты сугубо ирландские: стаут «Гиннесс», виски «Бушмилс» и ликер «Бейлис». Классическую стопку наполняем ликером и виски в пропорции пятьдесят на пятьдесят и опускаем этот термитный заряд в «Гиннесс». Пить надо быстро, огромными глотками. Во-первых, важен бомбический эффект, а во-вторых, сливки из «Бейлиса», смешавшись с пивом, моментально сворачиваются в комочки наподобие катышков на пальто, и напиток теряет примерно восемьдесят процентов от своей эстетической привлекательности.

— Звучит славно, но, увы, не мой вариант. Я веган и не пью молоко. Плюс ликер сладкий.

— Точно, прости. Вылетело из головы.

Настя прищурилась.

— Теперь мой черед отучать тебя от извинений, — сказала она.

— Хм, вот и я пал жертвой вредной привычки, — произнес Елисей. — Надо нам составить договор, по которому мы обязуемся не досажать друг другу необоснованными извинениями.

— И заверить его у нотариуса.

— Непременно.

Настя сделала глоток. Елисей с неохотой констатировал про себя, что пиво в ее бокале убывает.

— Насчет «Ирландской бомбы», — сказала Настя. — Я не боюсь крепости и потому опущу в «Гиннесс» стопку, до краев полную виски.

— Звучит как заявка на вступление в ряды Ирландской республиканской армии.

— А то. Я же злая фемка.

Сменилась песня, и по стартовым гитарным аккордам Елисей и Настя синхронно опознали «Wonderwall».

— Вот это поворот! — воскликнула Настя.

— Искренне надеюсь, что наш столик не прослушивается.

— Ну да, ведь я только что пообещала вступить в террористическую организацию.

Настя замерла, внимая Лиаму Галлахеру, соловьем разливающимся о чудесной стене, и безмолвными движениями губ сопровождала пение.

— Эта песня как награда за кошмарную неделю, — произнесла Настя.

— Что-то не так с учебой?

— Нет. Разругалась с типом, от которого зависел мой потенциальный заработок. И на горьком опыте убедилась в своей бесправности и несостоятельности. Вновь.

Елисей промолчал, ожидая, что Настя поведаст, что случилось. Вместо этого она заговорила о другом.

— Я три года планировала поступление в Чехию. Учила чешский, стажировалась в этнографическом музее в Глинско, копила высокий GPA, впрягалась в волонтерские программы и в сомнительные проекты, жертвуя на них каникулы и все свободное время. Работала в сомнительном культурном фонде. А весной, буквально за месяц до защиты диплома, поняла, что бюджетку я не потяну.

— И вместо Чехии ты осталась в России.

— Не то чтобы я всегда и везде ставила Европу выше России. Совсем наоборот, я в восторге, что мне повезло родиться здесь. Без лукавства, я предпочту Алтай Парижу и Берлину, а вольную жизнь в Поморье хлебной должности в лондонском банке. Но учеба в Праге была моей мечтой.

— Почему именно Элнет Энер, а не Самара?

— Я дважды ездила сюда на конференцию, а затем выиграла Президентскую стипендию для магистров. Теперь я вынуждена писать выпускную работу по беледышской национальной общине и закапываться в местные архивы. Повторюсь, не худшая доля, но не к этому я стремилась.

Елисею претила возможность примерять на себя роль утешителя, тем более что Настя в жалости не нуждалась.

— И никаких идей, что делать в дальнейшем? — спросил он.

— Никаких. Разве что устроить мировую анархическую революцию.

— Достойный проект, — оценил Елисей. — Я с тобой. Если, конечно, меня не обяжут присягнуть радикальным феминисткам.

— А как ты относишься к частной собственности?

— Из своего у меня лишь походный рюкзак с вещами. У меня нет квартиры, машины, дачи. Депозитарной ячейки тоже нет. Я за отмену частной собственности, какой вопрос.

— Отмену, а не перераспределение. Это ключевой пункт.

— Исключительно за отмену.

— Тогда вы приняты, товарищ Елисей.

— Отлично, товарищ Анастасия.

Они стукнулись бокалами и дружно осушили их.

— Символический разговор у нас получился под колымский эль, — сказал Елисей. — Тебя угостить еще?

— Пожалуй, мне хватит.

— Если ты за, можем прогуляться. Погода теплая.

— Почему нет?

В порыве ликования Елисей чуть не предложил Насте понести ее на руках через весь этот провинциальный город, где они так чудесно встретились.

Пока они сидели в баре, небо Элнет Энера окрасилось в сумеречный лавандовый цвет. Солнце, по расписанию укатившее за горизонт, оставило ностальгические

сливово-сизые разводы, с дионисийской щедростью размазанные по кромке. Плотный воздух словно застыл, сберегая остатки летнего тепла. На фасадах зажглась подсветка.

— Успела изучить город?

— Почти нет, а ты?

— Только дорогу до бара.

Настя приостановилась.

— Кажется, впереди будет Кремль.

— Ведите нас на Кремль, товарищ Анастасия.

Елисей предполагал, что ему придется замедлять шаг, так как за годы автостопных вояжей он наострился передвигаться быстро и обгонял пешеходов. Лена на прогулках раз за разом одергивала не в меру стремительного спутника, и они за долгие месяцы отношений, похожих на тяжбу между возмущенной прихожанкой и безучастным к ее дешевым жестам священником, так и не приноровились к ритму друг друга. К счастью, Настя являла собой противоположность. Она шла бойко, бесшумно касаясь земли кедами, не подстраиваясь и не заставляя подстраиваться под себя. Иногда она замирала, привлеченная чем-нибудь, и снова легко и непринужденно трогалась с места.

— Есть еще одна причина, по которой я уехала из Самары, — сказала она. — Я связалась с человеком, который на меня дурно влиял. Мешал готовиться к госам, расхолаживал, заявлял на меня права. Знаешь ведь, в фильмах есть такой персонаж — разбитной дружок или подружка. Его задача — сбивать с пути. Сегодня он напаивает тебя дешевым ликером, завтра без повода закатывает истерику на людях, послезавтра раскаивается и плачет у тебя на плече, потом снова что-нибудь.

— С легкостью представляю.

— Он то умиляет, то вымораживает. Такой человек то держит обещание, то нет, то превосходит твои ожидания, то не оправдывает их. Он слишком хорош и слишком плох для тебя одновременно. Самое обидное, что ты чувствуешь вину в любом случае — за свою беспомощность, за унижительную скромность, за вторые роли, которые вечно отводишь себе.

— Я с такими не сблизался, но типаж мне знаком.

— Я росла без отца, с мамой. Ее забота обо мне выливалась порой в жуткие формы. Мама до сих пор уверена, что я не пью и краснею, когда слышу грубые выражения. Через разрушительную связь с этим взбалмошным человеком я, видимо, пыталась ускользнуть от маминой гиперопеки.

Елисей осторожно возразил:

— Отчасти согласен с тобой, отчасти нет. Как показывает опыт, у каждого из нас на определенном этапе возникает соблазн попробовать нечто перченое и бросить вызов устоявшимся практикам. Откуда бы эти практики ни брались: из семейного воспитания, из школьного устава, из армейского распорядка. Аналитически говоря, мы балансируем между принципом реальности и принципом удовольствия и сбрасываем накопленное напряжение приемлемым на тот или иной момент способом. Поэтому тебе не стоит винить себя за глупую связь. Не надо... С ней ведь покончено?

— Надеюсь, что да. Этот человек достал меня манипуляциями. Он мог звонить посреди пары или работы и умолять приехать. Якобы у него то, у него се, живот болит, нога опухла. Мне это надоело. Я нашла в себе силы объявить, что с меня хватит, и кинула его во все черные списки.

— Одобряю.

— Тогда же я пообещала себе не идти на компромиссы. Если меня что-то не устраивает, сразу сообщаю о своем недовольстве и обрываю контакты. Больно, зато честно.

По высоким кремлевским стенам, ровным и гладким до блеска, без труда угадывался новодел. Красный кирпич приобретал ночью тяжеловесный багровый

оттенок, приличествующий, впрочем, главной городской крепости. Вдоль фасада располагались в ряд декоративные пушки, развернутые дулами в сторону предполагаемого противника, который осмелился атаковать культурный заповедник. Информационные таблички утверждали, что пушки отлиты по старинным эскизам, и скрупулезно декорированные фигурной резьбой лафеты на огромных колесах вроде бы удостоверяли это.

Елисей тщетно осмотрел несколько орудий в поисках запального отверстия, и они с Настей проследовали в высокую арку, сделанную в главной башне Кремля, увенчанной зеленым, как июльская листва, шпилем. За аркой вне всякой симметрии теснились строения самого разного стиля и калибра. Среди них выделялись гигантский собор с пятью золочеными куполами в форме луковиц и барочные домики в малахитовых и пунцовых тонах, похожие на здания гильдий времен Ренессанса. Под крышами барочных домиков размещались банки, закусовые, кофейни, сувенирные киоски, трогательные зоопарки, музеи.

— Пышное зрелище, — отметил Елисей.

— Все для народа, — поддержала Настя.

По усилившемуся ветру и потянувшей спереди прохладе стало ясно, что они направляются к реке.

— Кстати, перед отъездом из Петербурга я тоже развязался с капризной особой, — сказал Елисей. — Не назову разрыв болезненным, и все же.

— Тебя в ней что-то раздражало?

— Пожалуй. Я же прекратил с ней общение.

— Что именно, если не секрет?

— Страсть к биполярной депрессии. Такой диагноз она себе поставила, начитавшись психологической литературы. Кроме того, она упивалась агорафобией, дереализацией и паническими атаками. Помнится, она выкладывала в «Инстаграм» простыню за простыней о том, как важно бережно относиться к человеку, страдающему депрессией, и беречь его ранимую натуру.

— Это модно — романтизировать психические расстройства, — сказала Настя. — Вот дисбактериоз или гломерулонефрит романтизировать совсем не хочется.

— Модно и выгодно. Моя пассия, например, корила меня за то, что не чувствует себя моим сладким пирожочком.

— Какой инфантильный ужас.

— В ответ я говорил, что это сама она не чувствует себя *своим* сладким пирожочком и потому валит на меня вину за низкую самооценку. Этот вывод ее только злил. В общем, никому не пожелаю возиться с депрессивными субъектами и убирать за ними ментальный мусор. Их нарциссизм безграничен.

Дорога за красными стенами спускалась к набережной, отделанной широкими плитами. Набережная была застроена барочными домами наподобие тех, что кучились на территории Кремля, только крупнее. Фасады зданий обильно украшали пилястры и орнамент в виде пузатых ангелов, грозных львиных морд, гребня морской волны. Дотошную стилизацию под европейство подчеркивали как строгое оформление строений, так и стерильная чистота мостовой, словно надраенной с шампунем. На реке допоздна работала станция по прокату лодок и катамаранов, а со станции звучали эстрадные хиты.

Елисей с Настей остановились перед памятником Елизавете в образе удалой девицы верхом на скачущей лошади. Длинное, до пят платье императрицы по замыслу скульптора развевалось по ветру. На лице Насти застыло то же, что и в баре, выражение элегической отрешенности, притягательной, как солнечное затмение или рассветный туман над озером. Эта решительная девушка, мечтавшая о мировой революции и разругавшаяся с неким влиятельным типом в первую же неделю пребывания в городе,

казалась странной и неуместной, точно бокал для пива «Квак». Елисей отмечал про себя, что подпадает под ее обаяние, и не сопротивился этому.

— Есть одно средство, — сказал он, — которое помогает мне избегать нездоровой привязанности к кому-либо.

Настя улыбнулась.

— Старый добрый цинизм?

— Это не наш метод.

— Что тогда?

— Я никого не ставлю в центр. Ни другого человека, ни себя и свою гордость. Это не означает, что я веду себя безалаберно и пускаю все на самотек, нет. В меру возможностей я чуток и внимателен, добр и терпелив, надежен и снисходителен. Тем не менее я не обожествляю тех, к кому привязываюсь, и не извожу себя, если что-то движется не так. Это мешает вкушать аффекты полной ложкой, зато предохраняет от нервных срывов и прочих излишеств.

— А что ты ставишь в центр?

— Не знаю. — Елисей задумался. — Наверное, пивные заметки. То есть не число подписчиков и лайков, а сам акт письма.

— Здорово! А я этнографию! Во мне живет дух исследований.

Они миновали еще два памятника. Босой рыбак за лодочной станцией разворачивал невод. Напротив дворца бракосочетания позировала свадебная пара из Ренье III при параде и Грейс Келли с букетом невесты.

— Ты сочтешь меня ненормальной, но я задам этот вопрос, — вдруг сказала Настя. — Я разным людям его задаю. Этнограф как-никак. По-твоему, что такое человек?

— Что такое человек? — переспросил Елисей.

— Какое определение ты бы вложил в это понятие?

Елисей на мгновение замер, собираясь с мыслями. Он будто вновь очутился в университете и угодил на экзамен.

— Мое сердце принадлежит психоанализу, поэтому я на время забуду о биологических концепциях, которые лишь сбивают с толку, — произнес Елисей.

— Твоя воля.

— Человек — это картотека речевых стратегий. Он не сводится ни к сумме обстоятельств, ни к сумме поступков, ни к сумме намерений, потому что, строго говоря, человек — это и не сумма вовсе, а набор сингулярностей, которые беспрестанно пополняются и меняют весь расклад. Человек окружает себя привычками и ритуалами, иногда разрушительными, иногда чудными, почти всегда избыточными. Он узнает себя в других и утаивает собственную сущность от типа, с которым пересекается в зеркале. Он одержим химерами: любовью и счастьем, истиной и красотой, порядком и покоем. Главная химера, пожалуй, носит имя реальности. Ее считают то жестокой, то невыносимо скучной, то желанной, то какой-нибудь еще. На какие только жертвы ни пускается человек, на какие неистовые ухищрения, чтобы вступить с реальностью в непосредственный контакт, чтобы схватить полноту бытия во всем его многообразии и клокочущем великолепии. На деле же человек вместо погони за бытием следует за тенью, раз за разом попутно отмахиваясь от своих принципов, которые в конечном итоге тоже оборачиваются тенью, разве что более плотными и рельефными. Человек расколот и расщеплен на тысячи частей, он обречен на нехватку и навязчивое повторение, но в этом нет ровным счетом никакой трагедии, потому что так работает бессознательное и такова участь субъекта. Он ежесекундно не поспевает за собой и себе не соответствует. Я, например, хочу выглядеть серьезно и солидно, но улыбаюсь в неподобающие моменты. Я многое бы отдал, чтобы быть похожим на английского джентльмена с каменным лицом, который одинаково апатично реагирует на смерть

любимого дворецкого и на выигрыш на скачках. Вместе с тем мне известно, что таких англичан не существует, а сам я — всего лишь человек, расколотый и расщепленный.

— Полегче, полегче, — сказала Настя. — Предупреди ты меня о столь роскошной речи, я бы включила диктофон.

— Это не для прессы, — с деланным высокомерием воскликнул Елисей.

— Какие мы заносчивые. Кстати, ты убедил ознакомиться с психоанализом.

— Это моя миссия. Я агент фрейдолакановского знания. Вербую агентов, служу партийным интересам. Если без шуток, то настоятельно рекомендую не откладывать знакомство. Психоанализ — тонкая вещь.

— Тонкая?

— Он не о том, что сказали, а о том, что умолчали.

— Этнография отчасти о том же.

Елисей гордился тем, что сумел увлечь Настю. Он соотносил себя с ней, а она, желал он верить, соотносила себя с ним.

По пути на автобусную остановку Настя в свойственной ей сдержанной манере поблагодарила за вечер и сказала:

— Поправляйся скорее. И сообщи, если что-то понадобится. Все равно что. Даже если просто поговорить и пожаловаться на горло. Я не мастер по дельным советам, но я хотя бы выслушаю.

— Помечу галочкой, что не должен злоупотреблять твоим доверием и ныть по пустякам.

— Все мы иногда нуждаемся в том, чтобы кому-нибудь понять.

Елисей не обнял Настю на прощание. Встречного движения она не совершила, а нарушать хрупкое равновесие, покоившееся на родстве интонаций и на синхронности шагов, он не решился.

— На каком этаже ты живешь в общежитии? — спросил он.

— На четвертом. А что?

— Эх, жаль, что не на пятом. Песню классную знаю.

Когда Елисей остался один, до него дошло, что он с ног валится от усталости. И все же он без колебаний согласился бы хоть каждую неделю устраивать суточные заезды в междугородних маршрутках со сломанными кондиционерами ради таких путешествий по набережным.

Интерлюдия «Колыма Inn»

Лучшие умы крафтового цеха превзошли себя и соединили два несовместимых элемента: горький, как нестираемые воспоминания об ошибках юности, индийский пейл-эль и терпкий, как утренняя выволочка от желчного начальника, крепкий чай, известный в народе как чифирь. Хмель и кофеин. Много пьянящего хмеля и много бодрящего кофеина. На роль испытателя сорта был призван доцент из ВШЭ, тертый полемист с безупречным русским языком и четырьмя тысячами подписчиков на «Фейсбуке».

Напиток опалил доценту пищевод, и всполох пробежал по задней стенке сердца. Назрела священная война. «Фейсбук» превратился в сцену, а слова — в орудия. Давний спор о советском наследии забурлил, как адский котел, а вместо дров в пламя полетели политические упреки. Сталин и Ленин. Тухачевский и Власов. Солженицын и Бродский. Прага и Вьетнам, оттепель и застой. Колхозы и заводы, коммуналки и хрущевки. Диссидентские разговоры на кухнях и счастливые лица на майских демонстрациях. Концлагеря плюс электрификация всей страны. Виртуальное число жертв репрессий то росло до шестидесяти шести миллионов, то снижалось до одного. Как в рэп-батле, всё рифмовалось со всем: большевизм с татаро-монгольским игмом, ненасытность

вождей со слезинкой ребенка, методы чекистов с экспериментами доктора Менгеле, вареные джинсы с планом Даллеса, а Крым с предсказаниями Черчилля.

Участники отваливались от полемики один за другим, не вынося запредельного градуса. Сыпались проклятия, и заламывались руки. Наконец остались лишь двое: преподаватель-либерал из ВШЭ и его патриотичный оппонент, обезумевший от собственной правоты. Он напирал по всем фронтам. Казалось, у тертого полемиста нет ни шанса. Тогда он высунулся из-за бруствера и воззвал к перемирию. Этот благородный жест, наивный и трогательный, был встречен соперником с радостью.

Никакие идейные распри не стоили перегрызенных глоток и забитых до отказа бан-листов. Бывшие противники стиснули друг друга в объятиях. Доцент вынул флягу с колымским пейл-элеем и разлил его по жестяным кружкам, как по кубкам. Палачи и жертвы исчезли. Их место заняли убогатворенные наследники великого прошлого.

Марк

Они встретились на «Октябрьской» и побрели в сторону Новой Третьяковки, огибая лужи. Анна, так и не снявшая перчатки, демонстративно убрала руки в карманы пальто. Ее красная, как вино пинотаж, помада соответствовала нуарным тонам московского марта. Разговор не клеился. Марк и Анна больше заботились о том, чтобы поддеть друг друга, чем найти общие точки. Он фамильярно называл ее Аней, а она высмеивала его ботинки.

— Постой, — сказал он. — Ну и лужи, видишь? Такие большие, что в них скоро рыбу ловить начнут.

Неуклюжая шутка изменила все. Они прекратили быть частью мрачной действительности. Анна вынула руки из карманов, ее голос потеплел. Она предложила поужинать и, услышав согласие, виновато уточнила, будет ли Марку удобно и не нарушает ли она его планов. Он насилу убедил Анну, что она не обуза, и прижал ее к себе, жмурясь от летевшей в глаза мороси.

Пожалуй, чересчур сентиментально.

Даже без «пожалуй». Очень-очень сентиментально. Имей Марк координаты сценариста его снов, уволил бы плута без выходного пособия. Хотя бы по той причине, что сны искажают воспоминания.

Обнаружилось, что Марк заснул в банном махровом халате. Недопитый виски в бокале источал, как и вечером, дымно-резиновый аромат. Хорошо еще, что не приснился теракт в метро или спаленная мебельная фабрика.

Марк выплеснул виски в раковину, умылся и шепетильно, на манер хорошего мальчика с иллюстраций в букваре, причесался перед зеркалом. Анна и ее яркая помада не выходили из головы. Тогда Марк выпрямился, наполнил легкие воздухом, задержал дыхание и заученно напряг мышцы таза. Раз, два, три... Через полминуты Марк резко наклонился и отрывистыми выдохами выпустил остатки кислорода через рот. Со стороны это, наверное, смотрелось дико. Не пополняя запасов воздуха, Марк принял строевую стойку и втянул живот до предела. Грудная клетка приподнялась, расстояние между ребрами будто схлопнулось, а к солнечному сплетению из самых низин потянулся ток, собираясь в шар. Когда шар достиг размеров теннисного мяча, Марк расслабил диафрагму и сделал вдох, затяжной и глубокий. Теннисный мяч растворился, и ток послушно растекся по артериям и сосудам.

Отдышавшись как следует, Марк дважды повторил шестое ритуальное действие. Им овладело ощущение благодного покоя, с которым и подобает встречать утро.

Чистя зубы, Марк заметил красные следы на щетке. Кровоточащие десны не сбили бодрый настрой.

Погода располагала к прогулкам — перед завтраком, после него, вместо него.

Марк понимал, что здесь не Ростов, не юг, и потому стремился насытить себя бабьим летом и открыть себя последним дружелюбным солнечным лучам. В декабре же можно махнуть в Сочи или в Судак, а можно лежать целыми днями в теплой ванне среди бугров пены и отмякать до весны. Если разнеженная душа потребует встряски, то есть и такой аттракцион: во время приема ванны топить в ней фены, радиоприемники и мобильные телефоны, пока они подзаряжаются. Риск испустить дух не выше, чем в путешествии дикарем по Забайкалью, зато опыт с электроникой чище и в некотором смысле артистичнее.

Марк, проигнорировав завтрак в отеле, устроил променад по аллее и приبلудился в псевдояпонской забегаловке с телевизором, настроенном на «Муз-ТВ». Полуденное безлюдье умиляло и придавало обстановке почти домашнее очарование. В меню отсутствовали роллы с креветками, а из сахарницы, снабженной дозатором, не сыпался сахар. Молодая ведущая хит-парада на царапающем ухо сленге презентовала исполнителей одного незнакомее другого. Марк представил, что очутился на кухне у тетушки-домохозяйки, которая, хоть и не блистала кулинарным мастерством и не питала к племяннику трепетных чувств, все равно радовалась его визиту.

С «Филадельфией» в черном пластиковом контейнере Марк расправился под трек о маленькой стервочке, с которой бойз-бэнд из трех рэперов обещал разделить судьбу и фамилию. Роллы разваливались на части от соприкосновения с разбавленным соевым соусом, а сливочный сыр напоминал смесь подсоленного творога с акционным майонезом. Тем не менее благодарный «племянник» захвалил персонал за отменное кушанье и первостатейный сервис.

— Уношу в душе кусочек Азии, — польстил Марк официантке на прощанье.

Он не выстраивал маршрутов и планов и не сверялся со спутниковым навигатором. Его не торопили веление сердца и стрелки часов, не гнали в путь зависть и злоба. Марк полагался на спонтанность. Он шагал в направлении звуков светофора и на позолоченные кресты храмов в отдалении, миновал затянутые жухлым бурьяном пустыри и стихийно возникшие автостоянки, с опаской обходил настороженных уличных собак, пересекал безликие дворы с песочницами и турниками или без песочниц и турников. Время, утратившее ценность даже в презренном денежном эквиваленте, ярмом висело на плечах. Вынужденное существование по ту сторону экономии и расточительности, по ту сторону обид и притязаний, веры и безверия выключило Марка из укорененных практик межчеловеческого обмена, к которым так или иначе сводилось все многообразие культур, какие они есть.

За очередным поворотом подстерегала круглосуточная рюмочная с загадочной надписью на вывеске:

Бар «БАР»

Помимо пожилой продавщицы-барменши за прилавком, в тесном зале за круглыми стоячими столами порознь выпивали два типа. Первый, почетный пьяница в костюме-двойке верблюжьей расцветки, водолазке и мокасынах, закусывал водку бутербродами с сельдью и сплевывал косточки в салфетку. Второй, похожий на комбайнера или тракториста амбал в джинсовке и рабочих штанах, надвинув на лоб бейсболку, смотрел из-под нее «Муз-ТВ» и потягивал пиво из кружки. Стену украшал выцветший плакат с Майклом Джексонем, на подоконнике в вазе из пластиковой бутылки морщился невзрачный кактус.

Марк заказал две стопки дагестанского коньяка и шоколадку, которую разломил на дольки. Хит-парад давно закончился, и по телевизору шел в записи концерт незнакомой группы.

— Не пойму, брови у нее настоящие или нет, — прохрипел верзила пропитым голосом, следя за передвижениями вокалистки на экране.

Выпивоха словно ни к кому не обращался, хотя Марк зуб дал бы, что тот заскучал и захотел общения.

— Точно ненастоящие, — сказал «тракторист» неопределенно. — Хотя хер его знает.

Будет ему общение.

— Вы какие брови предпочитаете? — откликнулся Марк. — Натуральные или татуированные?

Амбал с удовольствием принял вызов.

— Натуральные, какой вопрос! Фальшивым бровям я верю не больше, чем восстановленной целке. А тебе какие нравятся?

— И мне натуральные. Можно и без бровей.

— Это как? — Выпивоха обеспокоился. — Уродина же получается.

— Не факт, — возразил Марк. — В классической живописи немало женских образов, чье очарование не испорчено отсутствием бровей. Джоконда та же. Или девушка с жемчужной сережкой. Видели эту картину?

— Какую?

— «Девушка с жемчужной сережкой».

— Не. А кто нарисовал?

— Вермеер. Учítывая, что девушка с жемчужной сережкой еще и в тюрбане, я не исключаю, что она вообще лысая. Впрочем, это не главное. Главное — душа.

Марк невозмутимо опрокинул стопку и откусил краешек от шоколадной дольки. «Тракторист» удержался от разоблачающих его недоумение жестов вроде поскребывания в затылке и решительно потребовал от продавщицы по новой наполнить кружку «Жигулем».

— Таких певичек на эстраде теперь до херища, — завел он разговор снова. — Ни рожи, ни голоса, зато звезда.

— Пустышки, — поддакнул Марк.

— Во-во. Знаешь, как этих звезд делают?

— Нет.

— Тогда слушай. Заводит, короче, продюсер любовницу. Чисто потрахаться. Месяц пялит ее раком, два пялит, потом ему надоедает. Он от скуки и начинает ее раскручивать. В студию возит, на сцену пропихивает, реклама, то-се. Так обычная блядь и превращается в звезду.

— Мощно.

Марк уважительно потряс подбородком.

— А то. Это мы тут с тобой пиво просроченное пьем, а в эту минуту в шоу-бизнесе несмешные деньги куют.

Верзила с чистой совестью отступил со своей кружкой. Он, завсегда́тай подобных питейных центров, восстановил пошатнувшийся авторитет в глазах лощеного балабола, посмеявшегося на чужой по всем меркам территории поминать классическую западноевропейскую живопись.

Согласно Марку, проблема большинства мужиков заключалась в том, что они простосердечно думают, будто высоколобые субчики с правильной речью и культурными отсылками ни о чем, кроме прекрасных книжек, не ведают и боятся суровой изнанки жизни, как боятся клубка змей, осино́го гнезда или неизвестной слизистой субстанции. Пролетарии самонадеянно полагают, будто уж они-то смекнули, что к чему в этом пропащем мире, и на этом основании приписывают себе неоспоримое преимущество перед высокообразованными лопухами, мягкотелыми и педантичными до зубного скрежета.

Покинув бар, Марк вызвал такси до Фламандской набережной. Он успел привязаться к ней за неделю пребывания в Элнет Энере. Набережная символизировала ни много ни мало цивилизацию — всю, целиком, от первых алфавитов до беспилотного

такси. Здесь, на набережной, властвовала помпезность, любовно возведенная из неуместных элементов. Коллективный демиург в лице градостроителей без всяких на то отчетливых причин возжелал соорудить в своем отечестве целый квартал по образу и подобию бельгийского барокко и воплотил безумную мечту. В однотипных домах из красного и желтого кирпича с мраморными вставками, словно перенесенных на аэробусах из центра Брюгге, Марк видел памятник человеческому духу, ведомому неизъяснимыми прихотями и непредсказуемыми дерзаниями. Этот дух не делал ставку на необходимость или гармоничность, его не волновали мелочи вроде отсутствия скамеек на набережной или украденных отсюда зеленых урн. Мнительные бюргеры, приколотые к повседневным заботам, точно безвкусные брошки к бабкиному платью, усматривали в набережной всего лишь насмешку над их нуждами, всего лишь аферу по расхищению народных денег, всего лишь доказательство, что господа тысячей путей попирают рабов без снисхождения к их горькому ропоту. Между тем демиург воздвиг помпезный квартал не ради увеличения своего и без того раздутого капитала. И не ради увеселения завистливых и беспомощных бюргеров. И не ради скромной похвалы от владыки — того, что на фоне Кремля торжественно обращается к подданным в последние пять минут каждого года. И не ради беспечных парочек, что высыпают на набережную весной, будто после зимней спячки. И не ради далеких потомков с обтекаемыми силуэтами. Демиург воздвиг квартал ради того, чтобы оправдать свою миссию и возвеличить человечество в глазах Всевышнего, незримо наблюдающего за своими сынами и дочерьми из-под косматых бровей.

Марк отобедал в ресторанчике с беледышской кухней. Здесь пахло домашней снедью и хорошим маркетингом. Суп с кислой капустой и коноплей порадовал, как, впрочем, и обжаренное с грибами и яблоками щучье филе, и знаменитые трехслойные блины, и чайник душистого травяного настоя. Галантный официант щеголял в национальном костюме из длинной белой льняной рубахи, перетянутой на животе ремнем, широких черных холщовых штанов и кожаных сапог до колена. Гарсон заверил, что щуку для блюда выловили вчера в кристально чистом озере, а напоследок вместе с чеком положил в счетницу пластинку «Орбита».

По всей длине набережной на почтительном расстоянии друг от друга высились памятники: Елизавета верхом на скакуне, свадебная пара князя Ренье III и Грейс Келли, рыбак с сетью, водовоз с затравленной лошадкой, какой-то местный деятель искусства с книгой и пером в руках. Шагая вдоль них, Марк отмечал и палитру госучреждений, размещенных под сенью зеленых кровель фламандского зодчества: Минсельхоз, эндокринологическая клиника, международная школа с преподаванием на пяти языках... Страннее всего казалось сочетание под одной крышей Музея матрешек и общественной приемной правящей партии, разделенных только дверями.

Весело, наверное, притвориться сказочным простаком, который, мечтая творить добро, явится в общественную приемную правящей партии и на голубом глазу предложит ряд блестящих идей по приближению светлого будущего. Например, раздавать сухпайки в электричках. Либо организовать дни бесплатного проезда в городских автобусах. Либо построить рядом с мэрией огромный дом для путешественников.

Марка часто посещали мысли о невинных проделках. Иные идеи так и угасали в бесплотных фантазиях, а иные он с удовольствием проворачивал. Так, в Петербурге Марк симулировал кражу дрели в магазине для ремонта, а по центру Воронежа расклеил ложные объявления о пропаже длинношерстных котят с тигровым окрасом.

В конце набережной из земли торчала металлическая конструкция в форме дерева, на ветвях которого вместо листьев гроздьями свисали разноцветные замки с именами возлюбленных и датами. Сегодня Марк добрался сюда впервые и с любопытством изучал эти свидетельства чужого громогласного и оттого сомнительного

счастья. Маши беззастенчиво плюсовались с Сашами, Димы спевались со Светами, Оля образовала сердечный союз с Олегом, даже некий Борис обрел свою Элефтину.

Марка на замках не нашлось. Ни с Анной, ни с кем-то еще.

И так всегда.

А ведь он не Любомир, не Геворг и даже не Рубен.

Перед возвращением в отель Марк заглянул в супермаркет за лимонадом. За линией касс, рядом с камерами хранения, у всех на виду стоял стеклянный ящик для пожертвований на строительство церкви. На дне его покоились монеты и немногочисленные мятые купюры. Вместе с лимонадом Марк купил красную ручку-роллер и, наказав на тысячерублевке: «Для лучшего храма во Вселенной», бросил ее в ящик. С него не убудет.

Уже в холле гостиницы перспектива очередной вечер провалиться на кровати в обнимку с бутылкой возрастного скотча потеряла свою привлекательность. Если бы Марк сочинял стихи, писал картины или хотя бы вел блог, то счел бы допустимым такой способ справляться с временем, однако без возвышенного занятия, которое оправдывало бы одноликий образ жизни, ежедневные возлияния в четырех стенах люксового номера вызывали у Марка острые приступы чувства вины. В одиночестве его терзали воспоминания, и он нуждался в соприкосновении с людьми, пусть и сведенном к бесцельному наблюдению за ними и куцым диалогам с персоналом. Поэтому взамен того, чтобы подняться в свою уютную камеру, Марк побрел в «Рекурсию».

Благодаря бесподобным креветкам и упоительным кислым элям бар занимал второе место в личном рейтинге Марка после Фламандской набережной. В «Рекурсии», в отличие от рюмочных для луженых глоток, собиралась разборчивая публика. Она шутила, праздновала, обменивалась новостями. Здесь пили за сокровенные мечты и выбалтывали секреты — кто по расчету, а кто под натиском хмельных паров. В посетителях проглядывали забавные провинциальные нотки, выраженные прежде всего в излишней озабоченности свежими поветриями, будь то ориентиры в одежде, еде или сленге. Марк, предпочитавший легкую небрежность и помятость в наряде, отмечал, что его ровесники из Элнет Энера, одетые в выбеленные зауженные джинсы, в приталенные рубашки с подвернутыми рукавами и платья безупречного кроя, обутые в кроссовки стоимостью в половину зарплаты, по сравнению с ним представляли прямо-таки авангард вкуса. Впрочем, эти милые чудачества Марк переносил без раздражения, потому что с ними в комплекте шли такие ценные качества, как присущие молодости здоровая беспечность и аллергия на идеалы.

Марк прикипел к «Рекурсии» в том числе и потому, что угодил в ней на экспрессивную лекцию от блистательного фрика. Про себя Марк окрестил его Августином. Уличный философ тогда вещал о зрелости и незрелости, и Марк с удовольствием посмотрел бы на новое его выступление.

Оформляя заказ у стойки, Марк поинтересовался у бармена:

— Какая у вас общая численность населения?

— Не такая маленькая, — сказал бармен и подмигнул.

Креветки принесли в означенный срок. К тому моменту Марк уже справился с бокалом кислого эля и попросил вторую порцию этого восхитительного напитка, от которого заворачивалась слюна и лесенки из морщин выстраивались вокруг глаз. Заняв себя выколупыванием даров моря из розовых панцирей, Марк ловил ухом случайные фразы из потоков речей, доносившихся со всех сторон.

— Это не проблема для композитора достаточно гениального...

— Ополаскиватель для рта я бросила, когда нечаянно проглотила вместо него шампунь...

— У него было четыре стула, а он поскакал за табуреткой, как индюк...

— Ты не ты, если... Если твоя... Если с тобой... Короче, ты не ты, если не ты...

— Не сдавайся, рационализируй!

Последнее выражение Марк мог бы сделать своим девизом.

Внезапно речи оборвались. Стихла музыка.

Марк оторвался от тарелки и увидел уличного философа. Серая водолазка висела на нем как мешок, из горловины которого торчала косматая голова, насаженная на кадыкастую шею. Штаны цвета хаки и десантные ботинки на перекрестной шнуровке добавляли образу воинственности, как и увесистая трость.

— Узрел я бесчинства ваши, и сердце мое сжалось от тоски, — провозгласил Августин.

Он потопал вдоль барной стойки, постукивая тростью по кафелю перед собой, как слепец. На середине пути философ встал и метнул яростный взгляд на бармена.

— Пива мне! И не вздумай меня отравить, шелудивый пес.

Бармен не посмел послушаться. Он наполнил граненый стакан и робко, почти поллакейски, вычерпал ложечкой пену. Августин настороженно понюхал напиток и пригубил его.

— Всяких я вижу среди вас, — обратился оратор к публике. — Лукавых и простодушных, скупых и расточительных, сановитых и безродных. Есть среди вас те, кто открыто предается низменным страстям, а есть и те, кто прячет гнусные помыслы в тайных уголках души и притворяется приличным. Есть те, кто те разнuzдан и зол, как бешеный вепрь, а есть и те, кто смирен и труслив, как лабораторная мышь. Но нет среди вас детей.

Философ глотнул пива.

— Осмотритесь вокруг. Изучите лица ближних своих. Напрягите затуманенный разум. И ответьте — не мне ответьте, а себе — на вопросы: «Где все дети? Почему здесь их нет? Разве может так статься, что среди веселья и шума нет ни одного ребенка?»

Августин опустошил стакан и требовательно постучал им по стойке. Бармен верно истолковал сигнал и вторично поднес стакан к крану.

— На какие только уловки вы ни идете, чтобы казаться красивыми. Втираете пудру в щеки, стрижете усы и бороду у цирюльника, нянчитесь с волосами, укладывая их то так, то сяк. Расписываете свои тела сатанинскими миниатюрами. Нарращиваете мышцы на тренажерах. Примериваете тысячи платьев, чтобы найти свое. Возитесь с побрякушками, точно собачники с щенками. Жеманно облизываетесь, наблюдая за собой в зеркале. И вот вы, прихорошенные, ухоженные, являетесь сюда, чтобы сразить всех своим великолепием. Разве не в этом ваша презренная слабость?

Посетители сидели придавленные. Даже Марк, прекрасно сознавая, что философ всего-навсего эпатирует публику, чувствовал себя так, словно вместо заводного боевика угодил на фильм о Холокосте с мрачными кадрами.

— Ты несправедлив к нам, проповедник, возразите вы мне. Вовсе не из тщеславия мы наряжаемся, скажете вы, вовсе не жажда возвеличиться движет нами. И вы будете правы. Элегантное одеяние, румяна и белила — это не орудие вашего честолюбия, а лишь шторка для тех душевных язв, что поразили вас за годы скитаний в подлунном мире. Вы не желаете выставлять напоказ ваши червоточины и облакаете себя в пленительные наряды, как просвещенный грешник облакает низкие думы в изящные словеса. Вы щадите ближних и потому оберегаете их от сокрытого в вас злонравия так долго, как можете.

Августин отпил пива и причмокнул.

— И поэтому говорю я вам: осмотритесь вокруг и изучите лица ближних своих. Среди вас нет детей. Нет ваших драгоценных чад, нет младших братьев и сестер, что с невинными улыбками играют в машинки и куклы. А нет их потому, что вы стыдитесь перед ними. Вы стыдитесь язв и червоточин. Вы боитесь, что дети узрят вас развязными и болтливими, с ухмылкой вкушающими аббатский эль и ванильный стаут. Вы не приводите сюда детей, ибо осязаете свою испорченность. Вы не хотите напоминать

себе, что дети, в отличие от вас, не кутаются в шелка и не примеряют на себя чужие мечты, вульгарные и патогенные. Дети честны, а вы не можете позволить себе такую роскошь, как беззаветная искренность.

Философ отодвинул от себя недопитый стакан.

— О дети! О невинные чаяния! О растоптанные мечты! О младенческий плач! Признаюсь, что мне тяжело выносить его. Мне тяжело видеть, как бессловесные существа задыхаются от крика, как они краснеют, надрываются, судорожно колотят ногами воздух. Этот бесформенный вопль есть не что иное, как выплеск отчаяния, захлестнувшего ребенка. Ребенка, который еще не овладел речью и не выучил слово «хтонический», но уже постиг, до какой степени хрупка его жизнь, сколько в ней мрака и горя. Когда фрустрация и уныние одолевают нас, мы лепим улыбки себе на уста. Мы малодушно уклоняемся от страха. Но не таковы дети. Они не стесняются кричать и плачем корят нас за то беспросветное бытие, в которое мы по легкомыслию забросили их.

Августин схватил трость двумя руками и выставил горизонтально перед собой, точно норовя ее погнуть или сломать.

— Нет! — воскликнул он. — Не будут наши дети расти во мраке! Не будут стыдиться себя и покупать прощение у самозванцев! Не будут верить лживой рекламе и выплачивать повышенные ставки по ипотеке! Мы воспрянем ото сна и соорудим для них лучший из миров. Мы украсим его дворцами с анфиладами и райскими садами. Да будет так!

— Да будет так! — нестройным хором поддержала публика.

— Да не предаст нас воля наша, да не застынет кровь в жилах при виде сатанинского отребья. Да не убоимся мы зла и укрепим добродетель в сердцах наших. Аминь!

— Аминь!

По дороге в гостиницу Марк размышлял над лекцией. Что-то в ней такое было. Что-то, кроме комического осадка. Что-то, не подвластное расшифровке. Сам Марк, отформатированный и переформатированный, давно перестал вопить и плакать, хотя в глубине души соглашался с детьми, орущими в колясках без заметной причины. Как мужчина, полноценный ли, нет, неважно, он не мог впасть в истерику из-за оцепившей его безнадеги, и единственное, что ему оставалось, — воспринимать Вселенную не очень серьезно. Сардонически, если точнее. Другого выбора нет, разве что топить в ванне фены и радиоприемники.

Настя

В действительности она угадала, какую песню о пятом этаже имел в виду Елисей. Расшифровала предназначенный для нее код.

И эта расшифровка привела ее в замешательство.

Мосты в этом городе не разводят. Семейные коты, пожалуй, по дворам разгуливают, однако это ни о чем не говорит.

Настя не отрицала, что с момента знакомства с Елисеем ее жизнь преобразилась. Изменилась сама мера зрения. Настя помирилась по телефону с мамой, прекратила злиться на Гришу и его аморальную семейку, а также набрала в библиотеке кипу книг по беледышской истории и мифологии. Существенней всего — что отпустил страх, будто тот человек из «Вайбера» в любую секунду ворвется в ее жизнь с беспардонным «Эй, подруга!» Пусть хоть каждый день заводит аккаунты взамен заблокированных и рассылает бредовые послания — Настя не позволит себе даже встрепенуться хоть раз.

В немецком существовало точное слово для описания этого состояния. *Geborgenheit*.

С Елисеем Настя не боялась проронить глупость, и до него она ни с кем не чувствовала такой тонкой связи, установившейся за столь короткий срок.

А еще порядок вещей подсказывал, что за полосой теплых лучей неумолимо

следует тусклый оптический ряд. Настю растрогало, что Елисей на остановке не кинулся ее лапаты под предлогом прощальных объятий и вообще избежал всех этих тактильных обрядов, которые в глазах большинства превращают собственничество в законное, если не благопристойное, обладание. Но рано или поздно Елисей попытается — само собой, деликатно и чутко — сократить расстояние. И что тогда?

Какая же она простушка в том, что касается личного и сокровенного! Ей проще разоблачить хитроумного бизнес-тренера или по заветам Леви-Стросса разобрать структуру мудреного мифа, чем разгадать замолчанные эмоции и скрытые сигналы, которые на раз считывает любой школьник старше пятнадцати.

Наверное, лучше всего будет напрямую обозначить границы приемлемого и неприемлемого. Обозначить, а после честно спросить, по нраву ли ему некто Анастасия Тимофеева с ее завышенными требованиями или нет. По зубам ли ему этот вызов с сомнительными перспективами?

Все это Настя прокручивала в голове, пока она переписывалась с Елисеем в преддверии третьей встречи.

Настя поведала, что в детстве воображала, что живет в семье динозавров. Бабушка — сальгазавр с костяными пластинами поверх кожи, мама — кусачий и когтистый тираннозавр, а она сама — юркий овираптор. Елисей в ответ рассказал о Трехгорном, где рос. В закрытом уральском городке, образованном вокруг завода по производству ядерного оружия, не совершалось ни убийств, ни ограблений, ни дебошей, и жителей окружал стерильный купол безопасности.

Настя призналась, что вычеркнула из подписок в «Инстаграме» бывшую сокурсницу, которая в постах завидовала чужой внешности, чужим путешествиям и достижениям и заражала этой завистью других. Елисей по секрету шепнул, что не следит за лентой в «Инстаграме», а использует его, как заправский циник, лишь для продвижения пивного блога.

Выяснилось, что оба предпочитают динамичное кино и не выносят затяжных кадров Тарковского, чтобы оба не терпят эстетства, опозданий, светского трепачества, сломанных банкоматов, жирной пищи, клубной музыки, анекдотов про блондинок и рассказа про ненашенные детские ботиночки из шести слов.

Настя выслала Елисею фото рекламного щита с призывом «Развивайся прозрачно!» Так местный депутат напутствовал малых предпринимателей.

А как развиваешься ты?)

Мутно и нелинейно, как и положено расщепленному субъекту.

Аналогично, товарищ Елисей)

Через минуту Елисей отправил снимок закусочной с надписью «Pancakes».

Ты при этом слове тоже вспоминаешь случай Человека-волка?

Прости?

Ну, Сергей Панкеев — Человек-волк, один из самых известных анализантов Фрейда.

Настя погуглила, прежде чем откликнуться.

Слишком тонкая шутка для меня, чтобы оценить сразу)
Но отныне блины для меня повязаны с психоанализом так же прочно,
как Грейс Келли с князем Монако)

Настю более чем устраивало, что Елисей не закидывает ее ежечасными посланиями и не впутывает ее в нудные ритуалы вроде обмена пожеланиями доброго дня и спокойной ночи.

* * *

В университете начались занятия. Компанейская Даша тут же подружилась с одноклассниками и вбросила идею насчет волжского пикника, которую, впрочем, нестройным коллективным решением отложили до весны. Настя же пока повременила с тесными знакомствами, так как не нуждалась в новых эмоциональных контактах. Желая побыстрее приступить к исследовательскому проекту, она условилась о встрече с научником.

Профессор Аманда Максимовна, сухопарая дама в строгом винтажном костюме из твида и с заколотыми в пучок волосами, выразила легкое недоумение по поводу бескрайнего энтузиазма своей магистрантки. Трескучим голосом, отдаленно напоминающим дробь аиста, профессор сообщила о тех научных направлениях, по которым могла бы курировать Настю в ее этнографических рейсах, как с претензией на метафоричность выразилась сама Аманда Максимовна.

— В первую очередь и главнейшим образом, это область сакрального знания у беледышцев, — сказала она. — Магические техники, куклы-обереги, пища на обрядовых праздниках. Дикорастущие растения и колдовские свойства, которые этим растениям приписывают. Орнамент в одежде, несущий защитную функцию.

Настя, хлопая ресницами, взирала на Аманду Максимовну, пронизанную с головы до пят ученым скепсисом, инъецированную торжеством победившего разума, впитавшую со школьной скамьи язык истмата и диамата, чуткую к дыханию рынка и голосу догмы. Консервативную и расчетливую. Почетный доктор наук, повернутый на магических техниках и куклах-оберегах, выбивающий на них гранты. Что важно, это никому не кажется странным.

— Вместе с тем вы, Анастасия, можете присмотреться к блоку тем, связанных с беледышской культурой еды. К примеру, почти не изучен распространенный до 1917 года рацион коренного населения в зимнее время года. Мало сведений о традициях лечебного питания. Кроме того, не возбраняются и компаративистские исследования. Тот же беледышский стол интересно сравнить с кухней других территориально близких малых этносов.

Заполнившая две страницы блокнота мелким почерком Настя пообещала за неделю определиться, к чему лежит душа.

— Неделя — это слишком поспешно. Даю вам на раздумья две.

Напоследок Аманда Максимовна продиктовала телефон Япара Шалкиева, краеведа и видного представителя местной общины, а также известила, что в Институте беледышской энциклопедии в четверг после каникул соберется совет по защите беледышского языка. Насте, как специалисту по малым народам, будет полезным понаблюдать за собранием и лично оценить, какие меры принимает республиканское правительство для спасения национальной культуры.

Явившись в четверг в Институт беледышской энциклопедии, Настя еще до начала действия сообразила, что «полезно» — это не то слово, которое измерило бы ее пребывание здесь. Комиссия, занявшая конференц-зал, меньше всего походила на спасателей с высокой миссией. Настя застала типичный сбор должностных пустоцветов, щеголяющих в презентабельных костюмах и деловито шелкающих замками на кожаных кейсах. Это была порода функционеров от образования, которые числились одновременно в пяти-шести исследовательских штатах, перемещались с конференции на конференцию, вели вебинары с наукоемкими названиями и для пухлости портфолио издавали никому не нужные монографии и методички. Задача этих функционеров

состояла в том, чтобы переводить злободневные проблемы в отлаженное бюрократическое русло.

Совет расположился за широким круглым столом с черными микрофонами, на манер гибких щупалец торчащими из пультов. Председатель в пиджаке лакричного оттенка взял слово.

— Приветствую всех после каникул, коллеги, на нашей установочной встрече, — сказал он. — Надеюсь, вы плодотворно отдохнули и накопили много сил для содержательной работы.

Непроницаемое лицо председателя с ястребиным носом не выражало ни надежды, ни избытка накопленных сил, а лишь источало безграничную компетентность. Его седые волосы разделял четкий, словно проведенный по линейке, пробор.

— Прежде чем возобновить нашу работу, попрошу всех засвидетельствовать свое присутствие. По завершении передайте контрольный лист с подписями секретарю. Анна Евгеньевна, проследите, пожалуйста, за выполнением процедуры.

Председатель пустил список по столу и приступил к рассказу об изменениях в составе комиссии. Сначала вспомнили тех, кто ее покинул, а затем представили новых членов, поголовно почетных и возрастных, напоряд обладателей ученых степеней и наград. Насте все эти имена и фамилии с длинным хвостом из регалий ни о чем не говорили.

— Перед тем, как наметить планы на грядущий период, освежим в памяти минувшие достижения. Анна Евгеньевна, запустите нам презентацию.

Когда презентацию настроили, председатель вооружился пультом и продолжил служебный монолог, бесстрастно комментируя таблицы и диаграммы на слайдах. Столько-то учеников в республике выбрали изучение беледышского языка в рамках школьного курса. Столько-то детей пополнили садики, где воспитание осуществляется на беледышском языке. В ряде гимназий в тестовом режиме запущена экспериментальная линейка учебников. В двадцать шестой раз прошел фестиваль народной песни и пляски «Мечты полёт отважный». В семнадцатый раз вручена литературная премия «Родное сияние» имени Кежвата Сурая в номинациях «Проза» и «Поэзия». Музей композитора Стефана Кемайля открылся после реставрации. Бывшей улице Дегтярной присвоено имя летчицы Матри Кельге, героя Советского Союза. На национальном телеканале «БТВ» стартовал цикл передач об истории родного края для подрастающего поколения. Стартовали съемки двенадцатичасового детективного телесериала «Изгой» полностью на беледышском языке. На «Google Play» и «App Store» появился удобный навигатор полностью на беледышском языке. Подготовлена озвучка первого сезона сериала «Зачарованные» на беледышском языке, премьерный показ состоится в октябре. Подготовлен перевод на беледышский язык книги «Гарри Поттер и философский камень»...

Настя с присущим ей недоверием всматривалась в слайды, удостоверявшие победоносное шествие беледышской культуры по просторам Вселенной. Обстоятельное наступление по всем фронтам со смутными намерениями. Как будто в одичавшем саду проложили дорожки из гравия и украсили их арками с клематисами. Именно солидность речи председателя, рапортовавшего о прогрессивном развитии и передовых моделях организационной деятельности, подбивала Настю на подозрения, что за изнанкой благолепного фасада из народных фестивалей и переводов «Гарри Поттера» творятся темные дела. Если тебя закармливают цифрами и фактами, что-то нечисто.

О планах на осень поведал другой статусный старикан, столь же флегматичный, как и его начальник. Хотя Настя не вслушивалась, она краем уха ухватила новость о постановке на беледышском языке шекспировской «Бури» на сцене национального драматического театра.

Возвращаясь в общагу с заседания, Настя раздумывала, рассказать Елисею о комиссии или нет. Решила, что нет, так как ему будет скучно.

* * *

На пиво по пятницам, обретавшее черты доброй традиции, Елисей нарядился в куртку из кождама, потертые чиносы и черные кеды. Из-за этого образа вкупе с длинными каштановыми прядями и непринужденной улыбкой на обветренных губах Елисей смахивал на рокера старого пошиба, постигшего азы мастерства в гараже, а не в школьном оркестре или чистенькой студии.

— Ты когда-нибудь играл в группе? — поинтересовалась Настя.

— О да. Черная страница моей биографии.

— Почему?

— Мало, что мы были молоды и пьяны. Проблема в том, что мы были молоды, пьяны и бездарны. Собирались в пустовавшем цехе пухо-перьевой фабрики и лабали панк-рок среди станков.

— Как вы назывались?

— Угадай. Даю тебе десять попыток.

— Когда в прошлый раз я угадывала твоё имя, получилось не очень. Так что я пас.

— Хотя бы одно предположение.

— Что-то фрейдистское. «Панкейки»?

— Нет, тогда я дедушкой не увлекался. Та-дам! Вокально-инструментальный ансамбль «Блевотная миля»!

— Ну и фантазия.

— Шучу-шучу! Но такое название басист по первой предлагал. Мы ругались, бранились, а затем нарекли себя «Стальными пиротехниками».

— Опять прикалываешься?

— Ни разу. Перед тем, как распасться, мы даже записали сингл. «В поисках тени». Хочешь, спою?

— А я точно выживу после него?

— Три к четырем, что выживешь.

Елисей состроил величественную и яростную гримасу, словно принес не мир, но меч.

— Глаз воспаленный цепляет на стенах нервные тени двуличной системы, — напел он с гротескным пафосом. — Мертвое небо и опыт бесценный — вот и все наши с тобою тотемы.

Настя замахала руками.

— Нет-нет, прекрати травмировать мои уши. Я не вынесу.

— По-твоему, мы не имели шансов на успех?

— Ни малейших.

— Считаю так же. Думаешь, нам пока рано знать друг о друге такие вещи?

— Слишком рано. Я не готова к черным страницам твоей биографии. Лучше перейдем к питейной части.

Елисей побрел к барной стойке. Настя вздохнула. Жаль, что ему нельзя пить до сих пор.

Незадачливый рокер скоро вернулся с апельсиновым соком для себя и пивом для Насти. Мутный рыжий цвет напитка колебался между печеной тыквой и ржавчиной, выскребенной с газовой плиты.

— Морковный эль «Бабушкина грядка», — откомендовал Елисей. — Сварен по фермерским традициям.

— Бьюсь об заклад, что фермеры об этих традициях и не слыхивали.

Настя присмотрелась к зернистым пузырькам, рвущимся на поверхность.

— Ты уверен, что он несладкий?

— Бармен ответил, что нет.

Настя отпила. Бармен не обманул. Во вкусе и впрямь ощущалась печеная тыква,

только без приторности. И кабачок. И еще что-то с грядки. Эль чуть вязал и чуть сушил рот, но опыт любопытный.

— Я с диастемой похожа на кролика, — сказала Настя. — Поэтому морковная тема к месту.

— А диастема — это?

— Щель между передними зубами.

— Забавно. Не, я такой символический ряд в уме не прокладывал.

Настя слегка захмелела. Все двигалось своим чередом.

— Как твое горло?

— Никаких перемен. От целебного воздуха средней полосы тоже нет толку.

Слизистая атрофирована, разве что кашель поумерил хватку.

— Что говорят врачи?

— Я к ним не навещался.

Произнеся это, Елисей увел взгляд и потянулся за зубочисткой на столе.

— Ты чего, ну? Обязательно обратись к лору. Не оттягивай.

— Да я в курсе. Был загружен на неделе. Занимался документами, искал работу.

— Если тебе понадобятся деньги, то я поделюсь, — предложила Настя. — На доктора, на лекарства. У меня большая стипендия, ты меня не обеднишь.

— Тебя я еще не обкрадывал, — сказал Елисей. — Нет, друзья меня обещали по знакомству отвести к специалисту. Проблема не в оплате, а в нехватке времени. Но спасибо.

Настя про себя предположила, что дело не ограничивается нехваткой времени, и решила не допытываться насчет истинных причин. Неполная правда — это не всегда ложь.

— Обязательно обратись к лору, — повторила Настя. — Я за тебя волнуюсь.

Шумная студенческая компания освободила соседний стол. В баре внезапно образовался островок пустоты, как на месте снесенного дома. На лице Елисея уже не гуляла беззаботная улыбка, как в начале встречи.

Он молчал и беспокойно катал между пальцами пленку от зубочистки.

— Я мнусь в моменты, которые принято называть торжественными, — вымолвил он наконец, направив взор на остатки пива в бокале Насти. — Эта невыносимая приподнятость, эти застаревшие формулировки. Заскоружные клише. Как будто тебя пригласили на сцену за «Оскаром» и обязали произнести набор этикетных фраз, чтобы помучить перед триумфом. Впрочем, это неудачное сравнение. Забей.

— Ты о чем? — не поняла Настя.

— Обычно я доверяюсь иронии, а сейчас не могу. И это раздражает.

— Так, я запуталась. Я что-то не так сказала? Что тебя раздражает?

— Что не могу довериться иронии.

Каким-то чутьем, запрятанным глубоко-глубоко, где нет категорий и оценок, Настя сообразила, что ей надо немного отодвинуться — не отпрянуть, а именно легонько отодвинуться — и отвести от стесненного Елисея пытливый взгляд. Она расслабила плечи и сделала глоток морковного эля.

— Короче, не пугайся того, что услышишь, — предупредил Елисей.

— Уже пугаюсь.

— Если быть максимально точным и конкретным, то я хотел бы угощать тебя роскошным пивом и готовить тебе веганские блюда. Я хотел бы подставлять плечо, чтобы ты отдыхала на нем после утомительных этнографических будней. За последние две недели мой горизонт определенно сместился. Не исключено, что причина не только в тебе, но и в городе со странным названием на две буквы «Э». Тем не менее я воодушевлен и восхищен, я повернут на тебе и чистосердечно в этом признаюсь.

Елисей сконфуженно поморщился и добавил:

— По крайней мере, я учел печальный опыт Игоря Николаева и обошелся без пяти причин.

У Насти все внутри замерло. А затем в голове зазвучали напористые голоса, перекрикивавшие друг друга. Они вещали неразборчиво и не принадлежали никому из тех, кто мог бы говорить властно: ни маме, ни бабушке, ни А., ни Сергею с чучелом тетерева в прихожей, ни Денису с рыбьим скелетом на футболке. На Настю словно набросились с агрессивными нотациями, невнятными и оттого не менее болезненными. На нее никогда раньше не нападали голоса. Она выскочила из-за стола и побежала в уборную, чтобы спрятать от Елисея шквалистое смятение.

Ополоснув лицо и дождавшись, пока нотации в голове смолкнут, Настя вернулась. Ее будто накрыл озноб.

— Я смутилась, — объяснила она.

— Решил, что ты не желаешь меня видеть, — сказал Елисей. — И все же посторожил твой портфель. Чтобы не стащили, пока ты отлучалась.

— Почему я не должна желать тебя видеть?

— Ну, после этого нелепого спича.

Настя пальцами робко коснулась руки Елисея, которая покоилась на столе. Рука горела.

— Все хорошо, — произнесла Настя.

— То есть ты сейчас не умчишься отсюда без оглядки?

— Ни в коем случае.

Несмотря на выпитое пиво, Настю по-прежнему трясло от озноба. Она прилагала усилия, чтобы составлять элементарные предложения.

— Не обращай внимания на странную реакцию, — сказала она. — У меня в такие моменты нет ни бури эмоций, ни бури слов.

— Все в порядке.

— Не в порядке. Из-за этого меня даже прозвали холодильником.

— Глупее прозвища не встречал.

Настя аккуратно отодвинула в сторону пустой бокал с бусинками пены, блестящими на стенках. Елисей, очевидно, ждал вразумительного отклика на свое признание, и Настя в замешательстве размышляла, как не утонуть в общих выражениях и как не прослыть холодильником.

— Может, мы прогуляемся? — предложила она. — До набережной, как в прошлую пятницу?

Пелена осенних кучевых облаков застилала закат, отчего сумерки казались более зябкими и бесприветными. Фасады зданий источали холодный свет, ломаными волнами стелющийся по тротуарной плитке. Промоутеры, накинув капюшоны своих худи и ветровок, торопливо расставались с пестрыми листовками.

В конце улицы Нарайна пустовал двухэтажный особняк, сиротливо ждавший реконструкции. Его кирпичные стены осели и местами продавились внутрь. Окна на первом этаже заколотили листовым металлом, на втором посверкивали битые стекла в гнилых деревянных рамах. Лет сто с хвостиком назад здесь, несомненно, обитало какое-нибудь «ваше степенство» или «ваше благородие», а теперь дом напоминал потухшего пьянчугу, стыдившегося своей участи.

— В геобурбанистике есть теория разбитых окон, — сказал Елисей. — Она чаще используется в криминологии, но не суть.

— Что за теория?

— Ее разработали американцы Уилсон и Келлинг в 1982 году. Если кратко, то она сводится к закону неубывания энтропии. Если разбили стекло и его не поменяли, то масштаб разрушения неминуемо разрастется. Скоро в здании разобьют все окна до единого, стены разрисуют граффити. Здание замусорят и забросят, а грязное пространство захватят бездомные или бандиты.

— Мизантропическая теория, — заключила Настя.

— Еще какая. И все-таки я удивлюсь, если этот особняк до сих пор не облюбовали бомжи.

— Чур, проверять не рискнем.

Под прицелом муляжных пушек у Кремля Настя наконец-то отважилась заговорить о самом существенном.

— Дула орудий наставлены на нас, как сумрак ночи, — начала она. — Дальше медлить некогда. Поэтому я возьму слово.

— Признайся, я все испортил?

— Не испортил. Все хорошо.

За последний час она произнесла фразу «Все хорошо» дважды. Ну и ну.

— В точном немецком языке есть точное слово «Geborgenheit», — сказала Настя. — Оно трактуется как «защищенность» и подразумевает средоточие тепла, спокойствия и уюта. Словно ты только проснулась в летней комнате от солнечных лучей, а выбираться из-под одеяла лень, потому что тебе комфортно и хочется провести так целый день. Лучше и не один. С тобой я испытываю похожее чувство.

— Ого, — только и вымолвил Елисей.

— Ты чуткий и остроумный. Ты учитываешь мое мнение и не переделываешь меня. Не рассматриваешь меня как проект, который требует апгрейдов и доработок.

— Представить не могу, что в тебе нужно что-то дорабатывать.

Они шагнули в высокую арку, высеченную в красной башне, и ступили на кремлевскую территорию с барочными новоделами.

— Загонов у меня множество, — призналась Настя. — И я имею в виду вовсе не пункт насчет феминизма.

— Вряд ли меня что-то в тебе оттолкнет.

— И все же. Например, я злопамятная.

— Я не собираюсь причинять тебе зла.

— У меня странные увлечения. Я люблю слушать голоса птиц в наушниках. Мне нравится подниматься на шестнадцатый этаж универа по лестнице и сбегать обратно. Кроме того, я обожаю братья за толстенный нон-фикшн страниц на пятьсот и его конспектировать. Позавчера, к примеру, принялась за Бруно Латура и его акторно-сетевую теорию.

— Прекрасные увлечения. Будем меняться идеями.

— И не забывай: я — холодильник.

— Вздор.

— Не вздор. Это мой главный загон. Я абсолютно нетактильная. Я против поцелуев, объятий, почесываний за ухом, держаний за ручку и прочего. Не то чтобы я стеснительная недотрога, которую надо раскрывать и постепенно готовить к телесной близости. Я нетактильная в принципе. Сразу оговорюсь: у меня нет жутких болезней, изъянов и детских травм. Кроме того, я не страдаю комплексом неполноценности. Мне это попросту незначит.

Елисей не остановился и не споткнулся. Он молчал, и Настя про себя чуть не молила, чтобы он разрядил обстановку беззаботной шутейкой.

— Ты асексуальна? — спросил Елисей.

— Да. И это не позерство.

— Прости, я обязан уточнить кое-что. Это ведь не связано с тоской по тому своенравному человеку, который сбивал тебя с пути и закатывал публичные истерики? То есть это не вежливый способ донести до меня мысль, что мы всего лишь друзья и мне нечего ловить?

— Нет-нет, ты что. Никакой тоски по бывшим. Я действительно асексуальна. И мне комфортно быть такой.

— Прости, пожалуйста.

Они покинули кремлевские стены. Дорога спускалась к пустынной набережной, освещенной сотнями фонарей. С реки дул влажный ветер, но его шумные порывы не пугали Настю.

— По-моему, это круто, — сказал Елисей, артистично спрыгивая с последней ступеньки на мощеную мостовую. — Любвеобильность Лены меня порядком напрягала. Мало того, что полежалки с ней выжимали из меня все соки, так эти нежности еще и упрощали наши отношения. Бесконечные обнимашки порождают стандартные разговоры, а застой формы — это симптом скудного содержания.

— Точно! — радостно подхватила Настя. — Я в такой плоскости об этом не думала.

— Сужу по собственному опыту. Время, когда мы не миловались друг с другом, мы тратили на заморочки вроде Лениной депрессии и моей черствости.

— Твоей черствости?

— Ну да, меня обвиняли в черствости, если я хотя бы дважды в день не извещал Лену, как крепко я ее люблю.

— Я-то полагала, что у меня загоны...

Они миновали памятник молодой Елизавете верхом на необъезженном жеребце. Настя удивилась, какая вокруг тишина. Не только из-за малолюдности, но и из-за того, что лодочную станцию закрыли и оттуда не звучала музыка.

— Значит, моя нетактильность для тебя не помеха? — Настя обнаружила, до чего же робок ее голос.

— Скорее плюс, — заверил Елисей. — Это делает связь более разноликой и возвышенной. Не в нравственном смысле, а в романтическом. Блин, я снова упираюсь в пафос.

— Все хорошо.

— Я сказал «возвышенной», потому что имел в виду высокие ставки. Мы отвергаем привычные модели и движемся навстречу неизвестности, которая ничего не обещает. Это как прыжок с парашютом, но без инструктора. Как двадцать прыжков с парашютом.

Хотя Настя и плохо считывала чужие эмоции, сейчас она бы руку на отсечение дала, что Елисей глубоко взволнован. Взволнован и наэлектризован, словно испил тока из люминесцентных фонарей, двумя плотными рядами выстроившихся вдоль прямого, как стрела, пути. У Елисея даже в самых расплывчатых очертаниях не было ни представления, что их поджидает, ни плана, как жить дальше. Как, впрочем, и у Насти.

— У меня тоже есть загон, — произнес Елисей.

— Какой?

— Ты никому не расскажешь?

— Клянусь Леви-Строссом.

— Я серьезно.

— Никому не расскажу. Обещаю.

— Дома я хожу исключительно в шляпе. Ты не против?

— Чего?

Настя едва не споткнулась.

— Шутка-минутка, — улыбнулся Елисей. — Решил, что после критической дозы пафоса нам не помешает встряхнуться.

— Я повелась. Зачет!

На противоположном берегу в сияющем великолепии раскинулись роскошные высотки, снабженные консьержками, подземным паркингом, видеонаблюдением, сигнализацией и прекрасным видом на Кремль. Настя с удовлетворением отметила про себя, что печальный эпизод с Гришей уже не злит ее, а воспринимается как комичное недоразумение. Сам же элитный микрорайон в сознании Насти отсылал не

к одному из череды ее собственных промахов, а к панорамным снимкам из заокеанской жизни. Возможно, набережная Сан-Франциско. Или Чикаго. Или Сиэтла.

Перекодировка образа. Из личной болячки в гляцевую картинку.

— Кстати, что ты вкладываешь в слово «человек»? — спросил Елисей.

— Не уверена, что я мастер определений.

— Тем не менее.

Что ж, логично.

— Так, — начала Настя. — Несмотря на то что мизантропические теории меня не устраивают, к гуманистам я тоже отношусь с подозрением. Концепция, будто человек от природы благ и невинен, кажется мне столь же простодушной, как и мысль, что внутри нас дремлет кровожадный монстр, усмиренный культурой и уголовным кодексом. Человек по натуре не плох и не хорош, не слаб и не силен, не ничтожен и не велик. Он в большей мере социален, чем биологичен, хотя и отрицание его природной основы — это непозволительное упущение. Бакунин, считавший независимость каждого индивида целью и вершиной истории, утверждал, что в любом из нас есть бунтарское чувство, которое пробуждает тягу к свободе, подчас отталкивающую и пугающую нас самих. Я бы назвала это бунтарское чувство отправной точкой человечества. Во что в итоге оно выльется в том или ином случае, зависит в первую очередь не от отдельного индивида и уж тем более не от высших сил, а от социального пространства. Тяга к свободе приобретает различные воплощения, число которых безгранично. С одной стороны, это творчество, коллективный труд, пиратские серверы с бесплатной музыкой, открытые проекты с горизонтальной организацией. С другой, — гнев, массовая истерия, народный самосуд, нацистская чума. Чем сильнее человек стеснен, тем свирепее и прямее выражается его тяга к свободе. Он не нуждается в том, чтобы его вели за руку в светлое будущее, чтобы навязывали ему прелести имперского духа, религиозной чистоты, корпоративной этики или казарменного социализма. Человека не надо представлять перед воображаемым судом истории — он представит себя сам.

— Ты явно скромничала, говоря о том, что ты не мастер определений.

Как ни желала Настя обнять Елисея на прощание, она подавила порыв. Нельзя, чтобы в ней увидели растроганную девушку, изменяющую принципам, которые только что озвучила.

И все-таки она простушка. Будь она опытней, то на речь Елисея в баре отреагировала бы сдержанней. Заявила бы, что польщена, и попросила бы время на раздумье. Нет, не попросила бы, а вежливо поставила бы в известность, что ей требуется взвесить все варианты. И непринужденно перевела бы разговор в светское русло.

А что она?

Смутилась, убежала, а затем еще и выдала инструкцию по применению с заголовком «Анастасия Тимофеева» на обложке. Раскрыла все карты.

Ну, почти все.

И как потом себя не корить?